

[DOI: 10.35549/HR.2025.2026.56.002](https://doi.org/10.35549/HR.2025.2026.56.002)

Оригинальная статья / Original paper

Ю.И. Дробышев

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: altanus@mail.ru

Монгольская имперская идея в трудах отечественных историков до 1991 г.

Аннотация

В статье освещается история подходов к изучению монгольской имперской идеологии XIII–XIV вв. в отечественной науке. Как отдельное направление исследований данная тематика ни в нашей стране, ни за рубежом в охватываемое рамками статьи время еще не выделилась. Тем не менее историки, филологи и представители других специальностей разрабатывали различные аспекты этого вопроса. В частности, довольно много внимания было уделено правильному переводу и истолкованию начальной фразы ханских ярлыков и ультиматумов «Силой Вечного Неба!», в которой постулируется источник легитимации высшей власти монгольских ханов не только над своим народом, но и над всей землей. Первым к ясному пониманию основополагающих принципов монгольской имперской доктрины пришел к началу 1840-х гг. В.В. Григорьев, но в силу ряда причин дальнейшая разработка данной проблемы надолго затормозилась. В годы советской власти, в условиях безраздельного господства марксистско-ленинского понимания мирового исторического процесса и вследствие утверждения безусловного приоритета социально-экономических факторов над идеологическими, изучение кочевого мира столкнулось с большими трудностями. Монгольская империя оказалась на периферии интересов отечественной науки. Роль Чингисхана в ее создании пренебрегалась, а образование империи объяснялось феодализацией мон-

гольского общества. Внутренняя и внешняя политика монголов нередко трактовалась упрощенно, в ее основе обычно видели только жажду наживы ханско-нойонской верхушки, причем предпринимались попытки доказать, что простым монгольским пастухам грабительские и захватнические войны были не нужны, и их принуждали к грабежам и убийствам. Самому Чингисхану приписывалось стремление к порабощению всего мира, о чем, однако, не сообщает ни один синхронный источник. Эти представления, возникшие еще в 1930-е гг., довели в отечественной исторической науке вплоть до распада Советского Союза.

Ключевые слова:

Монгольская империя; имперская идеология; Чингисхан; Вечное Небо; российские историки; советские историки

Для цитирования:

Дробышев Ю.И. Монгольская имперская идея в трудах отечественных историков до 1991 г. // Исторический вестник. 2026. Т. LVI. С. 10–71.
[DOI: 10.35549/HR.2025.2026.56.002](https://doi.org/10.35549/HR.2025.2026.56.002)

— — — — —
Yuliy I. Drobyshev

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russian Federation.
E-mail: altanus@mail.ru*

The Mongolian Imperial Idea in the Writings of Russian Historians Before 1991

Abstract

The article highlights the history of approaches to the study of the Mongolian imperial ideology of the 13th–14th centuries in Russian science. As a separate

area of research, this topic has not yet emerged either in our country or abroad at the time covered by the scope of the article. Nevertheless, historians, philologists, and representatives of other disciplines have worked on various aspects of this issue. In particular, quite a lot of attention was paid to the correct translation and interpretation of the initial phrase of the khan's yarlyks and ultimatums «By the power of Eternal Heaven!», which postulates the source of legitimization of the supreme power of the Mongol khans not only over their people, but also over the whole earth. V.V. Grigoriev was the first to come to a clear understanding of the fundamental principles of the Mongolian imperial doctrine in the early 1840s, but for a number of reasons, further development of this problem was delayed for a long time. During the years of Soviet power, under the conditions of the undivided dominance of the Marxist-Leninist understanding of the world historical process and as a result of the assertion of the unconditional priority of socio-economic factors over ideological ones, the study of the nomadic world faced great difficulties. The Mongolian empire found itself on the periphery of interests of Russian science. The role of Genghis Khan in the empire creation was downplayed, and the formation of the empire was explained by the feudalization of the Mongolian society. The internal and foreign policy of the Mongols was often interpreted simplistically, it was usually based only on the thirst for profit of the khan-noyon elite, and attempts were made to prove that simple Mongolian shepherds did not need predatory and aggressive wars, and they were forced to rob and kill. Genghis Khan himself was credited with the desire to enslave the whole world, which, however, is not reported by any synchronous source. These ideas, which arose back in the 1930s, dominated Russian historical science until the collapse of the Soviet Union.

Keywords:

Mongol Empire; Imperial Ideology; Genghis Khan; Eternal Heaven; Russian Historians; Soviet Historians

For citation:

Drobyshev Yu.I. The Mongolian imperial idea in the writings of Russian historians before 1991 // *Historical Reporter*. 2026. Vol. 56. P. 10–71. [DOI: 10.35549/HR.2025.2026.56.002](https://doi.org/10.35549/HR.2025.2026.56.002)

настоящему времени наука располагает немалым числом историографических работ о Монгольской империи и ее основателе — Чингисхане (1162?–1227). Отечественная историография от зарождения монголоведения до начала 1950-х гг. освещена в весьма содержательной статье А.Ю. Якубовского (1886–1953)¹. Несмотря на глубину этой публикации — пожалуй, одной из лучших в нашей стране, следует принимать во внимание время ее появления. Соответственно, оценки историка-марксиста в ряде случаев диаметрально расходятся с нашими, особенно по вопросам, где речь заходит о проявлениях «идеализма» в трудах тех или иных авторов. Из числа относительно недавних обзоров назовем кандидатскую диссертацию А.А. Невского, выполненную, впрочем, крайне неудовлетворительно², а также книгу О.В. Лушниковой, в которой сделана попытка охватить всю мировую историографию империи³. Вслед за тем вышла объемистая монография В.Д. Дугарова (1959–2023)⁴, которой, правда, сильно недостает концептуального единства, на что уже указывалось ранее⁵. Историографию Чингисхана освещает статья Е.Р. Нестеровой⁶. Помимо упомянутых работ, имеется много публикаций, посвященных персоналиям, различным школам и периодам отечественного монголоведения. Однако история изучения монгольской идеологии имперского времени, т.е. XIII–XIV вв., еще не написана, чему не приходится удивляться, учитывая, что сам этот предмет редко привлекает внимание ученых. Между тем, по нашему мнению, он важен, так как помогает более адекватно понять причины принятия решений Чингисханом и его потомками.

Говоря простыми словами, монгольская имперская идеология — это обоснование самими средневековыми монголами их законного права владеть всей землей. Общеизвестно, что держать кого-либо в повинове-

¹ Якубовский А.Ю. Из истории изучения монголов периода XI–XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 31–95.

² Невский А.А. Отечественная историография образования Монгольской империи (конец XIX–XX в.): дисс. ... к.и.н. Улан-Удэ, 2006. 203 с.

³ Лушников О.В. Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв. Казань: Фэн, 2009. 116 с.

⁴ Дугаров В.Д. Российская историография истории Монголии. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. 376 с.

⁵ Тишин В.В. [Рец. на:] В.Д. Дугаров. Российская историография истории Монголии / Науч. ред. Л.В. Курас. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2014. 376 с. // Восток (Oriens). 2016. № 6. С. 212–217.

⁶ Нестерова Е.Р. Личность и деятельность Чингисхана в историографии // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: альманах. Т. 5 / Гл. ред. М.Д. Бухарин. М.: Собрание, 2016. С. 214–230.

нии только грубой силой не вполне эффективно; гораздо лучше, сверх того, внушить мысль о покорности ссылками на высший авторитет. В теистических обществах, каковыми на западе Евразии были практически все общества Средневековья, таким авторитетом являлся Бог (Аллах), а у кочевников Центральной Азии и народов Дальнего Востока — деифицированное Небо. Таким образом, монголам требовалось «доказать» всем народам, что те должны выразить им покорность, ибо именно такова воля Бога (Неба). Соответственно, нежелание подчиниться монгольскому хану есть неповиновение самому Богу (Небу), и хан, сам обязанный выполнять божественный приказ, в таком случае должен жестоко покарать дерзких. Отсюда следует, что только Монгольская империя угодна Высшим силам и только она одна имеет законное право существовать на земле. Никаких независимых стран и народов не может быть в принципе. К сожалению, империя не имела Конституции в нынешнем смысле, где эти идеи были бы четко прописаны, и поэтому исследователям приходится восстанавливать идеологию монголов буквально по крупицам, добытым из различных источников, преимущественно не монгольских и из-за этого нередко сильно искаженных. Работу осложняют стереотипы, сложившиеся вокруг центральноазиатских номадов еще со времен «отца истории» Геродота Галикарнасского (ок. 484 до н.э. — ок. 425 до н.э.) и первого китайского историографа Сыма Цяня (145 или ок. 135 до н.э. — ок. 86 до н.э.). Свыше двух тысячелетий историки разных стран обвиняют степняков в неутолимой жажде наживы, а их вождей — в непомерных властных амбициях. То же самое часто высказывается в адрес монголов и Чингисхана. Источники, в целом, дают твердую почву для этих обвинений, и считать кочевников «благородными дикарями», бескорыстно исполняющими волю Неба, абсолютно антинаучно, но игнорирование ментальной составляющей их деяний ведет к созданию односторонней, ошибочной картины. Все исследователи, работавшие с источниками по Монгольской империи, сталкивались с упоминаниями Вечного Неба и того, что именем Неба Чингисхан и представители его «золотого рода» требовали от других покорности, но подлинное значение этих слов редко бывало оценено по достоинству.

Отечественное монголоведение блестяще заявило о себе уже в первой половине XIX в. Его особенностью было то, что в его зарождение и развитие большой вклад внесли первоклассные историки, нумизматы, археологи, не специализировавшиеся на монгольской тематике: Н.Я. Бичурин (о. Иакинф) (1777–1853), Х.Д. Френ (1782–1851), П.С. Савельев (1814–1859), П.И. Кафаров (Палладий) (1817–1878), И.Н. Бере-

Василий Васильевич Григорьев.
Из открытых источников

зин (1818–1896), В.П. Васильев (1818–1900), В.Г. Тизенгаузен (1825–1902), К.П. Патканов (1833–1889) и ряд других. Их усилиями профессиональные монголоведы получили в свое распоряжение широкий круг источников, переведенных с китайского, арабского, персидского, армянского и других языков и проливающих свет на историю монголоязычных народов, а также богатые разработки методологического характера. В России были изданы «Родословное древо тюрков» хивинского хана Абу-л Гази (1603–1664, годы правления 1645–1663), первые главы «Юань ши» в переводе Н.Я. Бичурина, «Драгоценное сказание» ордосского князя Саган-Сэцэна (1604 — после 1662) в монгольском оригинале и немецком переводе Я. Шмидта (1779–1847), анонимное «Золотое сказание» на монгольском языке и в переводе на русский ученого бурятского ламы Галсана Гомбоева (1822–1863), частично — «Сборник летописей» Рашид ад-Дина (1247–1318) в переводе И.Н. Березина и другие восточные, а также западные источники и русские летописи. Большим подспорьем оказались золотоордынские ярлыки, выдававшиеся русским митрополитам и привлекавшие пристальное внимание отечественных ученых. Сказались также тесные контакты с монголоязычными народами, проживавшими как в Российской империи, так и в самой Монголии. Это быстро выдвинуло российское монголоведение на передовые рубежи.

Насколько мы можем судить, первым, кто довольно точно изложил монгольскую имперскую доктрину не только в России, но и в мире,

был профессор Санкт-Петербургского университета В.В. Григорьев (1816–1881), основывавший свои выводы в немалой степени на штудиях ханских писем и ярлыков: «Подобно Китайским императорам великие ханы Монгольские именовали себя “сынами Неба” и на земле никого не признавали себе равным. Весь шар земной считали они своим законным владением, всех государей и все народы — рабами своими, всякое сопротивление своей власти — бунтом, заслуживающим жестокого наказания»⁷. Чуть ниже, в примечании, приводя примеры из источников, он развивает свою мысль: «Преимущества Чингиса были решительно убеждены, что Небо определило им быть властителями целого мира. Это говорили они и писали всем и каждому. От того и происходило, что в начале своих завоеваний Монголы, отправляясь войною на какой-либо народ, требовали от него покорности себе как должного и на сопротивление оружию своему смотрели как на дерзостное сопротивление воле Неба, вызывавшее со стороны их как орудий этой воли истребление виновных. Когда же владетель, которого Монголы призывали к тягостной покорности, решался покориться и сделаться их вассалом, он должен был непременно ехать к императору для засвидетельствования ему своего подданства»⁸. И хотя В.В. Григорьев не вскрыл глубинных причин таких представлений средневековых монголов, он сказал практически всё, что могло бы охарактеризовать монгольскую имперскую идею на уровне знаний его времени. Блестящее объяснение монгольской доктрины универсальной монархии появится лишь век спустя в статье Э. Фёгелина (1901–1985), тоже опиравшегося на ханские указы⁹.

С середины 1840-х гг. в руки исследователей стала попадать новая категория источников — монгольские металлические верительные дощечки — *пайцзы*, надписи на которых были выполнены уйгурским либо квадратным письмом и, подобно ханским указам, начинались словами «Силой Вечного Неба!». Первым такую надпись, сделанную квадратным письмом, прочитал в 1846 г. архимандрит Аввакум (Честной) (1801–1866), но допустил ошибку, приняв слово «*мункэ*» («вечный») за имя хагана Мункэ (1251–1259). Причиной ошибки было расположение этого слова особняком, как обычно в Китае помещали на бумаге императорский титул. Издатель и комментатор перевода В.В. Григорьев принял

⁷ Григорьев В.В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М.: Университетская типография, 1842. С. 19–20.

⁸ Там же. С. 21–22.

⁹ Voegelin E. The Mongol Orders of Submission to the European Powers, 1245–1255 // Byzantium. Vol. XV. Boston, 1941. P. 378–413.

Минусинская пайцца.
Из открытых источников

мнение Аввакума, но, зная, что квадратное письмо изобрел по приказу Хубилая (1260–1294) Пагба-лама (1235–1280) лишь к 1269 г., когда Мункэ уже не было в живых, предположил, что письмо на *пайцзе* — тангутское, придуманное первым тангутским императором Юань-Хао (1038–1048) и потом заимствованное монголами¹⁰. Живший в России немецкий монголовед и тибетолог Я. Шмидт резонно возразил, что надпись сделана квадратным письмом и данное слово следует относить не к хагану, а к Небу¹¹. Разумеется, на защиту Аввакума встал В.В. Григорьев, к нему присоединился и Н.Я. Бичурин, находивший критику Я. Шмидта нападениями на русскую науку; тот резко отвечал¹². Н.Я. Бичурин считал аналогом спорного монгольского оборота обычную фразу китайских импе-

¹⁰ Григорьев В.В. Объяснение древней монгольской надписи, найденной в Сибири // Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Т. XVI. С. 126–149.

¹¹ Шмидт Я. Монгольская квадратная надпись из времен монгольского владычества // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. 1846. Т. LXXIX. Отд. III. С. 1–5. Опубликовано также в: Санкт-петербургские ведомости. 1846. № 249. С. 1095–1096.

¹² Об этой дискуссии см.: Банзаров Д. Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов // Записки Санктпетербургского археологическо-нумизматического общества. 1850. Т. II. Вып. 1. С. 72–97; Шастина Н.П. Значение трудов Н.Я. Бичурина для русского монголоведения // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 195–197.

раторских манифестов «*Фын-тьхянь-юнь*» («Изволением неба»)¹³, где, как мы видим, слово «вечный» отсутствует¹⁴. Также работавший с памятниками квадратного письма А.А. Бобровников (1822–1865) не только принял толкование Н.Я. Бичурина, но и пошел еще дальше, утверждая, что монголы со времен Чингисхана усвоили эту формулу в подражание китайцам, отчего монгольская фраза «Силой Вечного Неба» не более чем перевод китайской. «Дело это ясное», — заключает востоковед¹⁵. Правда, следующая стереотипная фраза из преамбулы указов Чингисидов, ныне обычно переводимая как «счастьем хагана» (имеется в виду присущая ему харизма), вызвала у А.А. Бобровникова затруднения, с которыми он, впрочем, успешно справился¹⁶. Однако по сути вопроса немец был прав. Суждения же В.В. Григорьева тем более удивительны, что он прекрасно был знаком с этой породившей полемику стандартной монгольской фразой, предвалявшей изученные им ханские ярлыки¹⁷. И хотя данная точка зрения разделялась далеко не всеми, в итоге это перспективное направление научного поиска зашло в тупик более чем на столетие, иллюстрацией чему может послужить, в том числе, теория толчков того же В.В. Григорьева. Согласно этой теории, внезапное нападение одного кочевого народа на другой вынуждает последний бежать в поисках новой родины, где он, в свою очередь, обрушивается на ничего не ожидающий третий народ и тоже заставляет его спасаться бегством. Так побежденные превращаются в победителей, а номады передвигаются с места на место, тесня также и оседлых. «Бешеную страсть к разрушению» у привыкших к степным просторам кочевников исследователь объяснял их ненавистью ко всему, что препятствует свободному пере-

¹³ Бичурин Н.Я. Замечания по поводу спора о монгольской надписи времен Монкэ-хана // Финский вестник. 1847. Т. 17. № 5. Отд. IV. С. 4. Полностью эта фраза звучит следующим образом: «奉天承運 fèng tiān chéng yùn фэн тянь чэн юнь», т.е. «Волею Неба и велением Судьбы». Благодарю свою коллегу О.А. Королеву за консультацию по данному вопросу.

¹⁴ Напротив, А.М. Позднеев (1851–1920) усмотрел в начальной формуле ханских указов и надписей на *пайцзах* монгольский оригинал, переложенный на китайский язык, и переводил его как «Вечного Неба силою», но никаких исторических выводов отсюда не делал (Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского Университета А.М. Позднеевым в 1896/97 акад. году. [Т. II] / Записал и издал студент Х.П. Кристи. СПб.: Типо-литография И. Трофимова, 1897. С. 101–102, 114, 135, 154).

¹⁵ Памятники монгольского квадратного письма, объясненные А.А. Бобровниковым, с дополнениями В.В. Григорьева. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1870. С. 44.

¹⁶ Там же. С. 45–48.

¹⁷ Григорьев В.В. О достоверности ярлыков. С. 58–59.

движению и стесняет горизонт¹⁸. Искать какие-либо идеологические оправдания этих чисто механических движений не приходится.

Преподававший в Казанском университете немец Ф.И. Эрдман (1793–1862) выпустил на русском языке очерки о Чингисхане, которые примечательны систематическим искажением монгольских имен и названий, причем автор настаивал на истинности своих искажений. Вместе с тем его внимание привлек ярлык Чингисхана с требованием покорности, сохранившийся в пересказе мусульманских авторов, в котором декларируется, что вся земля от восхода до захода солнца дарована монголам. Ф.И. Эрдман дает текст этого указа по Рашид ад-Дину и Мирхонду (1433–1498), но не уточняет, кто же именно подарил монголам весь мир¹⁹. Любопытны его суждения о Провидении, пробудившем Россию от глубокого сна руками монголов²⁰. Позже его труд в полном объеме вышел на немецком языке²¹, но высокой оценки в науке не заслужил.

«История монголов», написанная О.М. Ковалевским (1800/1801–1878) между 1843 и 1851 гг., но опубликованная совсем недавно, не несет в себе, касательно нашей темы, каких-либо оригинальных идей. Так, автор полагал, что завоевательные планы Чингисхана расширялись по мере увеличения его средств для ведения войны²², а уже его потомки «считали себя повелителями вселенной, требовали от всех безусловной покорности»²³. Однако к вопросу о том, что же сподвигло осиротевшего монгольского юношу стать хозяином полумира, О.М. Ковалевский подошел с идеалистических позиций и никакого объяснения не дал: «чудное счастье во всех нечаянностях сопровождало Тэмуджина, и он, подобно другим азиатским завоевателям, управлялся каким-то фатализмом, буд-

¹⁸ Григорьев В.В. Об отношении между кочевыми народами и оседлыми государствами // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. Ч. CLXXVIII. С. 1–27.

¹⁹ Эрдман Ф.И. К истории Чингисхана // Журнал Министерства народного просвещения. 1844. Ч. XLIV. С. 75–77. Подлинность этого ярлыка вызвала сомнения у ряда современных ученых, однако еще В.В. Бартольд считал, что рассказ о нем у Джувейни (1226–1283) правдоподобен (Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II. Исследование. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1900. С. 457), и мы присоединяемся к его мнению.

²⁰ Эрдман Ф.И. Указ. соч. С. 83–84.

²¹ Erdmann F. von. Temudschin der Unerschütterliche: nebst einer geographisch-ethnographischen Einleitung und den erforderliche besondern Anmerkungen und Beilagen. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1862. IX+656 s.

²² Ковалевский О.М. История монголов / Подгот. к изд., предисл., коммент., прилож. И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков; отв. ред. И.Ф. Попова. СПб.: Нестор-История, 2024. С. 273.

²³ Там же. С. 365.

то без нравственной идеи»²⁴. Еще менее содержательны в этом отношении «Лекции по истории монголов» Н.И. Веселовского, представляющие собой простое изложение событий²⁵.

К О.М. Ковалевскому близок по взглядам оказался позже Ц.Ж. Жамцарано (1881–1942). Побывав в 1909–1910 гг. на землях нынешней Внутренней Монголии, где находилось святилище Чингисхана Эджен-Хоро, а сейчас располагается музейный комплекс, бурятский ученый в своем отчете записал: «Монголы, сокрушавшие целые царства, просекавшие дорогу через высочайшие горы и переходившие громадные реки; монголы, проявившие какую-то невероятную силу преодоления препятствий, — без сомнения, были воодушевлены не одним только честолюбием и не одной лишь жаждой наживы: их мировоззрение, их религия должны были играть при этом ту или иную роль». Благодаря своим религиозным верованиям «монголы ежеминутно чувствовали над собой и под собой сотрудничество и волю богов — тенгриев. И Чингис в глазах массы являлся лишь посланником тенгрия, он — герой, он — божественен»²⁶. Столь откровенная идеалистическая трактовка, базирующаяся к тому же на современном автору материале, не нашла поддержки в российских научных кругах.

Офицер Генерального штаба М.И. Иванин (1801–1874) дважды обращался к монгольской тематике. В первом издании своего сочинения²⁷ он, хотя во многом следовал А.К.М. д'Оссону (1779–1851) и опирался также на некоторые другие авторитетные произведения о монголах, унаследовал ошибки и европоцентризм своих предшественников. Называя Тэмучжина гениальным, М.И. Иванин придавал решающее значение влиянию на него китайской культуры, имея в виду, очевидно, империю Цзинь: «Вероятно, образованный Китай был для него в молодости то же, что впоследствии для нашего Петра Великого была Европа»²⁸. Чингисхан замыслил покорение всего мира²⁹. В отличие от арабов и крестоносцев,

²⁴ Там же. С. 237.

²⁵ *Веселовский Н.И.* Лекции по истории монголов. СПб.: Изд. кружка ориенталистов при факультете восточных языков, 1909. 142 с.

²⁶ *Поездка в Южную Монголию в 1909–1910 гг.* Отчет Ц. Жамцарано // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Серия II. 1913. № 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1913. С. 51.

²⁷ *Иванин М.* О военном искусстве и завоеваниях монголов. СПб.: Военная типография, 1846. 64 с.

²⁸ Там же. С. 5.

²⁹ Там же. Ср.: Там же. С. 38.

Музейно-мемориальный комплекс Чингисхана Эджен-Хоро
(Внутренняя Монголия, КНР).
Фото автора. Июнь 2025 г.

монголами двигал не религиозный фанатизм, а «жажда добычи, власти и крови»³⁰. Монголов автор изобразил абсолютными дикарями, ненавидевшими оседлый образ жизни и образование, отчего «они явились современному миру не столько завоевателями, сколько истребителями рода человеческого»³¹. Почти 30 лет спустя вышло второе, значительно расширенное и переработанное издание книги М.И. Иванина³². Оно также лишено оригинальности, но в то же время достаточно основательное и для своего времени довольно неплохое. Правда, автор продолжил утверждать, что Чингисхан замышлял покорение мира³³ и однажды голословно обмолвился о его желании, чтобы потомки продолжили начатое им дело³⁴.

Великий отечественный востоковед В.В. Бартольд (1869–1930) в ряде своих работ, особенно в классическом труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», раскрыл механизмы формирования империи монголов и проследил причинно-следственные связи, которые позволили прежде неизвестному кочевому племени достичь владычества над огромными

³⁰ Там же. С. 6.

³¹ Там же. С. 22.

³² *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1875. XII+252 с.

³³ Там же. С. 18, 36, 40, 41.

³⁴ Там же. С. 40.

пространствами Евразии. Однако проблемам монгольской имперской идеологии В.В. Бартольд уделял мало внимания. Он одним из первых выразил сомнение, что Тэмучжин был потомком хагана Хутулы (? — ок. 1162); по его мнению, взяв для своего народа имя монголов, Тэмучжин тем самым притязал на родство с этим персонажем ранней монгольской истории³⁵. Очевидно, происхождение из не особенно знатного рода, к которому принадлежал его отец Есугэй (? — 1167), было недостаточным основанием для претензий на власть над всеми монголоязычными племенами. Требовалось найти среди своих предков тех, кто когда-то стоял во главе полуполюгендарного объединения монголов «*Хамаг монгол улус*». Чингисхан строил свое государство на аристократических началах для себя, своих потомков и ближайших приверженцев. Народ был лишь орудием в руках его избранников³⁶. Для нас большое значение имеют замечания В.В. Бартольда по поводу первого послания Чингисхана хорезмшаху с заверениями в дружбе. С одной стороны, автор утверждает: «Нет основания сомневаться в искренности этих слов; едва ли Чингиз-хан в то время мечтал о всемирном владычестве»³⁷. С другой — он убедительно показывает, что монгольское нашествие на земли хорезмшаха все равно произошло бы позже³⁸. Никакого противоречия здесь нет — намерения монгольского властелина в 1218 г. могли (и должны были) отличаться от его более поздних замыслов вследствие быстрого и непредсказуемого развития событий. Отправляясь в Западный поход, Чингисхан не мог быть абсолютно уверен в его благоприятном исходе. Тем более какие-либо мечты о захвате Европы в это время были бы просто абсурдны. Что касается «небесного» обоснования власти, то востоковед лишь в одном месте пишет (со ссылкой на К.П. Патканова) о представлениях Чингиса об империи в виде господства номадов над «культурными народами», которых в руки монголов отдал сам Бог для их эксплуатации³⁹.

В.В. Бартольд не был согласен с В.П. Васильевым в том, что Тэмучжин всецело находился под влиянием китайцев и окитаившихся киданей⁴⁰,

³⁵ Бартольд В.В. Туркестан. С. 410.

³⁶ Там же. С. 414, 499.

³⁷ Там же. С. 424.

³⁸ Там же. С. 431.

³⁹ Там же. С. 498.

⁴⁰ Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857. С. 118, 134, 141, 145.

Василий Владимирович Бартольд.
Из открытых источников

и разделял мнение И.Н. Березина, который, допуская значительное влияние на кочевников китайской культуры, полагал, что Чингисхан обладал «здравым смыслом дикаря, полного энергии», и постановлениями своей *Ясы* положил заслон ее распространению в созданном им государстве⁴¹. Главную роль в движении номадов В.В. Бартольд оставлял за экономическими причинами⁴². Ученый считал, что Чингисхан был сначала всего лишь «предводителем шайки искателей приключений»⁴³. В специально посвященной ему статье в «Энциклопедии ислама» он писал: «Невозможно доказать, что Чингиз-хан лелеял великие планы завоеваний во время своей ранней карьеры в Монголии. Его первые кампании против соседних оседлых стран были нацелены лишь на грабеж; только значительно позже монгольская власть установилась прочно в этих странах. Походы на запад были предприняты первоначально для преследования врагов, которые там укрывались; лишь в ходе событий эти походы постепенно развились в преднамеренные завоевания»⁴⁴.

⁴¹ Березин И.Н. Очерки внутреннего устройства Улуса Джучиева // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. 1864. Ч. VIII. С. 403–404.

⁴² Бартольд В.В. Образование империи Чингиз-хана // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. 1896. Т. X. С. 105–119.

⁴³ Barthold W. Čingiz-khān // Encyclopaedia of Islam. Vol. 1. Leyden: E.J. Brill, 1913. P. 856.

⁴⁴ Ibid. P. 858–859.

1917 год разделил отечественную науку, включая и монголоведение, на два потока: одни ученые продолжили свои исследования на родине, другие эмигрировали. В настоящей статье мы будем говорить о первых, но все-таки затронем одну фигуру из числа эмигрантов, оставившую в отечественной «чингисиане» особенно глубокий след, — калмыка Эренджена Хара-Давана (1883–1941). Он был врачом и общественным деятелем, а не историком, что не помешало ему написать и в 1929 г. издать в Белграде книгу о Чингисхане, ставшую невероятно популярной в нашей стране, в том числе и в научных кругах, после ее переиздания в Элисте уже в годы перестройки⁴⁵, что и побуждает нас сказать о ней несколько слов. Книга представляет собой последовательную идеализацию монгольского властелина и созданной им империи, основанной, по мнению автора, на нравственных принципах и законности. «У него (Чингисхана. — Ю.Д.) не было таких личных потребностей, в жертву которым он, подобно другим избалованным счастьем венценосцам, принес бы высшие цели своей политики. Вся его жизнь была посвящена осуществлению его высочайшего идеала — созданию единого мирового царства... Идеалом Чингисхана было создание единого царства Человечества, так как только тогда, — как он справедливо думал, — прекратятся взаимные войны и создадутся условия для мирного процветания человечества как в области духовной, так и материальной культуры», — пишет Э. Хара-Даван⁴⁶. Рассказывая о жизни и подвигах своего героя, автор украшает добытые из литературы сведения вымышленными подробностями, в реальность которых он, очевидно, твердо верит. Один из его источников — биография Чингисхана сильно склонного к фантазированию американского историка и писателя Гарольда Лэмба (1892–1962). Все это, наряду с порой очень неточными цитатами из «Сокровенного сказания монголов», «Сборника летописей» Рашид ад-Дина и других восточных сочинений, делает рассматриваемый труд весьма далеким от реальности. Вместе с тем автору были не чужды отдельные прозрения и предположения, заслуживающие внимания современных историков.

Российско-польский лингвист В.Л. Котвич (1872–1944) издал свои важнейшие, в свете нашей темы, труды уже за границей⁴⁷, но обойти

⁴⁵ Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. 2-е изд. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1991. 196 с.

⁴⁶ Там же. С. 130, 131.

⁴⁷ Kotwicz W. Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIVe siècle // La Pologne au VIIe Congrès International des Sciences Historiques. Vol. 1.

здесь молчанием этого замечательного ученого мы не можем хотя бы потому, что до отъезда он успел опубликовать заметку о якобы имевшей место беседе Чингисхана со своими сыновьями на предмет, какое наслаждение выше всех прочих. Этот короткий образец эпического творчества В.А. Котвич считал достаточно древним. Самое интересное в нем, на наш взгляд, — слова Угэдэя, в которых содержится четкая программа государственного управления, совершенно лишенная милитаризма и экспансионизма. Чингис поддержал ее⁴⁸. Это один из весьма немногих текстов, отдающих предпочтение Угэдэю, потомки которого, как известно, лишились верховной власти в 1251 г., что бросило тень на основателя этой ветви Чингисова «золотого рода».

Знаменитый путешественник Г.Е. Грумм-Гржимайло (1860–1936), естествоиспытатель, нашедший в себе также таланты антрополога и историка, составил полную историю Центральной Азии от глубокой древности до начала XX в., уделив должное внимание и Монгольской империи. Интересующий нас том вышел в 1926 г., но закончен был к декабрю 1917 г., ввиду чего его с равным основанием можно причислить и к до-революционной отечественной литературе. По крайней мере, никаких следов марксизма в главах, посвященных империи, не обнаруживается. Соответственно, личности Чингиса автор придает немалое, хотя и не преувеличенное значение, не забывая и о мировоззренческом аспекте происходившего: «Чингис был таким же мировым завоевателем, каким до него был Александр Македонский, после — Наполеон, и его глубокая вера в то, что небо избрало его для установления на земле мировой империи, не разнилась от претензий австрийских монархов управлять вселенной — *Austriae est imperare orbi universo*»⁴⁹. Однако Г.Е. Грумм-Гржимайло полагал, что Чингисхан вел военные кампании без заранее выработанного плана, а если план и составлялся, то охватывал лишь постановку ближайшей цели⁵⁰. Отсюда, казалось бы, логично было заключить, что никакой глобальной идеи по захвату всего мира у него не было. Тем не менее автор верно подметил особенность кочевого мен-

Varsovie: Polskie Towarzystwo Historyczne, 1933. S. 199–204; *Kotwicz W. Formules initiales des documents Mongols aux XIII-e et XIV-e ss. // Rocznik Orientalistyczny. T. 10. Lwów, 1934. P. 131–157.*

⁴⁸ *Котвич В.* Из поучений Чингисхана // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. 3. М.; Пг.: ГИЗ «Всемирная литература», 1923. С. 94–96.

⁴⁹ *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л.: Ученый комитет Монгольской республики, 1926. С. 521.

⁵⁰ Там же. С. 449.

Борис Яковлевич Владимирцов.
Из открытых источников

талитета, которая спустя несколько десятилетий окажется сильно востребована монголоведами для раскрытия причин успеха степных вождей в построении ими кочевых империй, — вера в то, что удачливому лидеру помогает само Вечное Небо, поэтому нет ничего разумнее, чем примкнуть к такому человеку. И здесь Г.Е. Грумм-Гржимайло вступает в резкое противоречие с формирующейся советской исторической парадигмой, утверждавшей, как будет показано ниже, будто Чингисхан со своими ближайшими соратниками нещадно грабил и эксплуатировал собственный народ. Он пишет: «Удача всех его (Чингисхана. — Ю.Д.) походов и несметные богатства, доставшиеся на долю его войск, т.е. того же народа, создали всем его требованиям значение божеских велений и принимались не только безропотно, но и благоговейно к неуклонному исполнению. При таких условиях и при том подъеме нравственных сил, который был пережит в его время монгольским народом, совершенно допустимо и то нравственное перерождение народных масс, которое ставил себе в заслугу Чингис»⁵¹. Эта мысль особенно поразила А.Ю. Якубовского, высказавшегося по ее поводу: «В дальнейшем “идеализация” Чингисхана и его военных походов принимает в работе Г.Е. Грумм-Гржимайло прямо чудовищные размеры»⁵². Конечно, тут не обошлось

⁵¹ Там же. С. 437.

⁵² Якубовский А.Ю. Из истории... С. 80.

без некоторого преувеличения, но, учитывая память, которую Чингис оставил по себе в простом монгольском народе, можно полагать, что Г.Е. Грумм-Гржимайло был, в целом, недалек от истины. Угнетаемые и ограбляемые люди вряд ли поминали бы своего тирана добрым словом и тем более не стали бы его обожествлять, но дело даже не в этом, а в самой возможности творить в степях насилие. Вопреки убеждению советских историков, эксплуатировать кочевников далеко не так просто, как оседлых крестьян⁵³. Каждый пастух в степи одновременно свободолюбивый воин, и у него есть разные способы борьбы с неудобным ему ханом — от откочевки к более лояльному вождю до его физического устранения. Источники содержат достаточно таких примеров. Лишь под властью династии Цин (1644–1911) в Монголии сложились более благоприятные условия для бесправия; они-то и были перед глазами первых российских исследователей.

В 1934 г. увидела свет книга Б.Я. Владимирцова (1884–1931) «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм»⁵⁴, которой было суждено стать краеугольным камнем в здании складывающегося советского монголоведения. Автор не успел закончить свой труд, но глава о Монгольской империи была им завершена, хотя причины возникновения империи он не объяснил. В рецензии на его книгу А.Ю. Якубовский отметил, что Б.Я. Владимирцов не разглядел борьбу классов как главный двигатель политогенеза в Монголии рубежа XII–XIII вв. и вместо этого сосре-

⁵³ Поскольку в классовом обществе не может не быть эксплуатации, ее надо было найти и в монгольском обществе периода империи. Эту работу выполнил редчайший специалист, прекрасно владевший монгольским и китайским языками — Н.Ц. Мункуев (1922–1985), но не во всем с ним можно согласиться. Автор неоднократно подчеркивает тяжесть государственных налогов и повинностей и неограниченную эксплуатацию аратов ноёнами, но приводимые им в доказательство извлечения из источников не дают такой уверенности (например, о налогообложении *сэму-жэнь* и войск *тамма* в империи Юань — это все-таки были не монголы (Мункуев Н.Ц. О формах эксплуатации монгольских аратов в XIII–XIV веках // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 2. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1965. С. 75–79)). В то же время Н.Ц. Мункуев сообщает о инициированных монгольскими ханами сборах скота для помощи обедневшим аратам (Там же. С. 71–72, 74). Хотя нет причин идеализировать взаимоотношения различных слоев монгольского социума, ничего неизвестно о сколько-нибудь заметном антиноёнском движении простых кочевников ни в Средние века, ни в Новое время, о чем осторожно говорилось и в советской литературе (Залкинд Е.М. Очерк генезиса феодализма в кочевом обществе. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2012. С. 208–209; Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. С. 87, 102).

⁵⁴ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 224 с.

точился на борьбе за власть феодалов, поэтому сделал шаг назад относительно выводов по этому вопросу В.В. Бартольда⁵⁵. И хотя Б.Я. Владимирцов не считается марксистом, его произведение выдержано в сугубо материалистическом ключе. Вопросы идеологии в нем не поднимаются. Обходит их и Н.Н. Козьмин (1872–1938), чья книга о кочевом феодализме появилась в том же году⁵⁶, но по ряду причин не приобрела большой известности.

Практически вся последующая советская научная литература о монголах и кочевниках вообще отталкивалась от основанного на диалектическом материализме марксистско-ленинского учения, которое рассматривало духовную культуру общества как дериват производственных отношений. Такой подход затормозил исследования в области идеологии кочевых империй, в том числе Монгольской, к тому времени даже не успевших выделиться в самостоятельное направление научного поиска. Это привело к одностороннему и порой весьма примитивному пониманию причин возникновения монгольского государства.

Советская историческая наука утверждала, что только диалектико-материалистический подход к осмыслению феномена Монгольской империи способен раскрыть внутренние механизмы, вызвавшие ее к жизни. Отсюда пристальное внимание к социальной структуре монгольского общества и экономике кочевого хозяйства, что, в принципе, могло бы на самом деле многое прояснить, если бы не идеологические рамки, в которых дозволялось вести исследовательскую работу. Поиски классовой борьбы там, где не было классов, в контексте пятистадийной схемы общественно-экономических формаций (пусть порой и с вариациями на тему кочевого уклада или «азиатского способа производства») едва ли могли привести к конструктивному результату. В то же время историки словно забывали, что до монголов в тех же самых степях уже складывались мощные, сложно организованные политические объединения хунну, жуаньжуаней, древних тюрков, уйгуров, которые принято называть кочевыми империями. Зачем же монголам понадобилось заново проходить долгий путь буквально от первобытно-общинного строя к феодальному⁵⁷? Чрезвычайно много усилий было затрачено на

⁵⁵ Якубовский А.Ю. Книга Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» и перспективы дальнейшего изучения Золотой Орды // Исторический сборник. Т. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 301–302.

⁵⁶ Козьмин Н.Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Иркутск: ОГИЗ, 1934. 150 с.

⁵⁷ История Монгольской Народной Республики / Гл. ред. Б.Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 86.

Обложка первого издания книги Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (1934).

Из открытых источников

выяснение, что следует считать в кочевом мире средством производства — землю или скот, были ли кочевые феодалы собственниками земельных ресурсов и какая именно форма зависимости скрывалась за монгольским понятием «унаган-богол».

Поскольку считалось, что историю делают, прежде всего, народные массы, а не личности, значение Чингисхана умалялось, насколько это только было возможным, хотя полностью отрицать его вклад в мировую историю, конечно, никто не рискнул. При этом, как правило, Чингиса оценивали положительно, пока он объединял номадов, но эта оценка менялась на свою противоположность, как только речь заходила о его захватнических войнах за пределами степей. Высказывания более ранних ученых — В.В. Бартольда и Б.Я. Владимирцова, довольно высоко ставивших заслуги Чингисхана как создателя мировой империи, а тем более русских историков-эмигрантов, рассуждавших о положительном значении монгольских завоеваний и вспоминавших об идеологических мотивах, которые подталкивали монгольского героя к установлению на всей земле небесного порядка, подвергались суровой критике⁵⁸.

⁵⁸ Мерперт Н.Я., Пауцито В.Т. Георг Вернадский. Монголы и Россия // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 180–187.

Неудивительно, что в советский период вышло лишь две биографии Чингисхана. В 1922 г. была издана небольшая, рассчитанная на широкую публику книжка Б.Я. Владимирцова «Чингисхан», в которой автор несколько раз вспоминает о значении религиозных представлений Чингиса в его неординарной судьбе, например: «Темучин стал теперь задумываться о том, что, действительно, ему суждено и определено Небом стать преемником монгольских каганов, восстановить величие рода монгол»⁵⁹. Для этого ему была нужна поддержка степной аристократии, к которой, по мнению Б.Я. Владимирцова, он и сам принадлежал по праву рождения. Впрочем, известная гипотеза автора о Тэмучжине как выразителе интересов аристократов в противовес его *анде* (по-братиму) Чжамухе (?–ок. 1205) — «степному демократу» в данном случае не имеет особого значения. В конце концов, классовую принадлежность индивида определяет Вечное Небо, а сторонники Тэмучжина, пишет Б.Я. Владимирцов, уже при первом его провозглашении ханом смотрели на него как на предопределенного Небом, да и сам Тэмучжин, вероятно, считал так же⁶⁰. Вера его в небесное покровительство еще более укрепилась после второй интронизации в 1206 г. В возведенное при этом «девятиножное белое знамя» вселился дух-хранитель рода Чингиса (*сумьде*), а власть ему была дана самим Вечным Синим Небом, силой которого он отныне ханствовал⁶¹. В целом, книга Б.Я. Владимирцова была встречена благосклонно, хотя В.В. Бартольд в своей рецензии, признав ее «лучшей в настоящее время», мягко пожурил автора за то, что «в объяснении действий Чингисхана... может быть, отводится слишком значительное место религиозному мирозерцанию»⁶², а А.Ю. Якубовский с высоты своего марксизма назвал ее «рафинированно-идеалистическим трудом»⁶³.

Второе жизнеописание появилось лишь полвека спустя. Его автором был выдающийся советский ученый, один из крупнейших мировых специалистов по тангутскому языку и истории тангутского государства, а также прекрасный знаток истории и культуры Центральной Азии и Китая Е.И. Кычанов (1932–2013). Свою позицию автор обозначил уже в названии книги: «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир»,

⁵⁹ Владимирцов Б.Я. Чингисхан. Берлин; Пг.; М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. С. 40.

⁶⁰ Там же. С. 45.

⁶¹ Там же. С. 72.

⁶² Бартольд В.В. [Рец. на:] Б.Я. Владимирцов. «Чингисхан». Издательство З.И. Гржебина. Берлин-Петербург-Москва. 1922. 176 стр. // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. 5. М.; Л.: ГИЗ «Всемирная литература», 1925. С. 254.

⁶³ Якубовский А.Ю. Книга Б.Я. Владимирцова. С. 304.

Евгений Иванович Кычанов.
Из открытых источников

разделяя тем самым официальную оценку деятельности знаменитого монгола. Вместе с тем труд Е.И. Кычанова отличается не только живой, образный стиль наряду со строго научной аргументацией всего сказанного; автору удалось избежать резкой критики своих предшественников, а равно и буржуазной науки, которая, согласно довлеющим в СССР установкам, была органически неспособна добираться до истины вследствие своей порочной методологии, отрицающей диалектический материализм. Обмолвился он и о Вечном Небе, вера в защиту и помощь которого, очевидно, поддерживала основателя Монгольской империи с юных лет⁶⁴. Верный своей концепции, историк полагал, что его герой, сполна воздав чжурчжэням за прежние обиды, обратил взор на запад, где возвысилась держава хорезмшахов, и замыслил поход туда еще до «Отрарской катастрофы»⁶⁵. В письме Ала ад-Дину Мухаммаду (1200–1220) Чингисхан очертил раздел сфер влияния, назвав себя «владыкой Востока», а хорезмшаха обозначив как «владыку Запада», на основании чего Е.И. Кычанов заключил, что «это первое и очень важное свидетельство того, что Чингис после побед над Цзинь уже не думал ограничить свое государство пределами Монголии, а мыслил категориями стран

⁶⁴ Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М.: Наука, 1973. С. 32, 43, 78.

⁶⁵ Там же. С. 106–107.

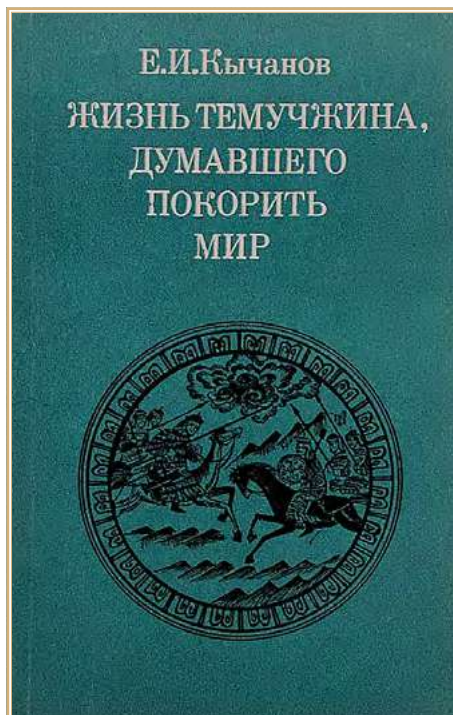
света»⁶⁶. Мало того, Запад он тоже рассматривал как свое потенциальное приобретение, поэтому биограф полностью соглашается с точкой зрения И.П. Петрушевского (1898–1977), что инициатором разразившейся вскоре войны был именно Чингис, а не хорезмшах, хотя даже непримиримо антимонгольские мусульманские авторы, такие как Ибн ал-Асир (1160–1233/1234) и Джузджани (ок. 1193 — после 1260), обвиняют в этом последнего. Впрочем, и здесь вряд ли могло быть как-то иначе, поскольку догмату о жажде всемирной власти Чингисхана фактически обязаны были следовать все советские ученые.

Однако, относясь скептически к высказываниям советских (да и не только) историков о планах Чингисхана, очень важно не впасть в другую крайность, ведущую к отрицанию всякой вероятности возникновения в его голове ультрамонархических идей. Будучи сильной, богато одаренной личностью, Чингисхан, несомненно, эволюционировал в воззрениях на мир и свою роль в нем, и есть повод думать, что именно в ходе его хорезмийской кампании у него в действительности могло сложиться представление о возложенной на него Небом функции вселенского правителя. Пожалуй, никто не мешал ему верить, что он, по сути, всю свою жизнь посвятил борьбе со злом, восстанавливая попорченную справедливость и тем самым являясь земным орудием Вечного Синего Неба. Месть татарам, меркитам, тайчжиутам, тангутам, чжурчжэням, предателям Ван-хану (?–1203) и Чжамухе, а теперь вот хорезмшаху, растоптававшему его мирные инициативы, — чем не путь небесного воина! А смерть врагов и присвоение их имущества суть чисто внешняя сторона и неизбежное следствие процесса установления санкционированной Небом мировой гармонии.

Возвращаясь к книге Е.И. Кычанова, отметим, что в этом свете его утверждение «упоенные победами, воины Чингисхана и, конечно, в первую очередь он сам уже всерьез подумывали о покорении всего известного им мира»⁶⁷ не выглядит чересчур преувеличенным и тем более шаблонным. По мнению ряда современных историков, таких как М. Биран и Р. Даннелл, неожиданно легкий разгром империи хорезмшахов убедил Чингиса в его небесной миссии, и это был поворотный пункт в его карьере; правда, теперь его целью было мятежное государство тангутов, куда он и отправился после победы над Хорезмом и где окончил свои дни. Однако идея монгольского владычества над всей вселенной в 1220-е гг. только нарождалась, и нельзя не согласиться с автором в том, что «после

⁶⁶ Там же. С. 109.

⁶⁷ Там же. С. 121.

Обложка первого издания книги Е.И. Кычанова
«Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир» (1973).
Из открытых источников

смерти Чингисхана завоевание всего известного монголам мира стало восприниматься как его прямой завет»⁶⁸. Ни одного изречения, приписываемого Чингисхану, о необходимости вести борьбу до воцарения над всеми странами и народами, в синхронных источниках нет, эта мысль впервые появляется только в отчете Плано Карпини (1182–1252), услышавшего ее где-то (и явно не один раз!) во время своего путешествия в Монголию в 1245–1247 гг., но можно твердо полагать, что к указанному времени все монгольское общество уже было убеждено в реальности такого завета.

Второе, значительно расширенное издание монографии Е.И. Кычанова появилось в 1995 г.⁶⁹ Оно может по праву считаться лучшей книгой о Чингисхане на русском языке.

Остальные создатели и деятели Монгольской империи не удостоились в СССР не то чтобы монографических исследований, а даже жур-

⁶⁸ Там же. С. 132.

⁶⁹ Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингисхан: личность и эпоха. М.: Восточная литература, Школа-Пресс, 1995. 273 с.

нальных статей. Вообще, о Монгольской империи здесь было издано не так уж много научных работ — и ни одной монографии, если не считать выход на русском языке книги монгольского ученого Ч. Далая (1930–2009), которая заполнила многие пробелы в отечественной науке⁷⁰. Советские историки (как и их монгольские коллеги) фокусировали внимание на событиях новейшей истории монгольского народа, совершившего «прыжок» из феодализма в социализм. И пока сам Чингисхан находился в МНР под негласным запретом, в СССР обращение к этой тематике тоже не поощрялось — она долгие годы пребывала на периферии отечественного востоковедения, что, разумеется, не помешало появлению ряда первоклассных публикаций источников и исследовательских работ (С.А. Козин, Ц.Ж. Жамцарано, Н.Н. Поппе, Л.С. Пучковский, С.Д. Дылыков и др.), на некоторых из которых мы остановимся ниже, а пока вернемся к довоенному периоду.

Отдельно необходимо отметить уровень публикаций тех лет. Нередко это был простой пересказ того, что уже давно было известно о борьбе Чингиса за единоличную власть в степях и о монгольских походах в Северный Китай и Хорезм, причем пересказ сильно упрощенный, по-видимому, специально адаптированный для более широкой читающей публики той эпохи. Освещение событий ранней монгольской истории производилось с марксистско-ленинских позиций, с акцентированием внимания на экономических вопросах, причем особо подчеркивалось угнетение ханами и нойонами как покоренных народов, так и своих же аратов, и, конечно, отмечались все факты народного недовольства и освободительной борьбы, что и должно было, надо полагать, в совокупности составлять принципиальную новизну этих нарративов. Причины внешних и внутренних конфликтов часто опускались или трактовались произвольно, отчего истоки многих из них оставались в тени и легко могли ввести неподготовленного читателя в заблуждение. Встречались порой и грубые ошибки. Примером такого типа публикаций может послужить статья, вышедшая накануне Великой Отечественной войны под именем А.Ю. Якубовского, но выхолощенная настолько, что в ней трудно признать авторство этого крупного советского востоковеда⁷¹.

Особенно не повезло духовному миру номадов и, как следствие, идеологии монгольской элиты — этот аспект был крайне слабо разрабо-

⁷⁰ Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1983. 232 с.

⁷¹ Якубовский А. Монгольская империя // Исторический журнал. 1940. № 3. С. 87–98. Совершенно иное впечатление производят написанные им главы в книге «Золотая Орда», выдержавшей с 1937 по 1950 г. три издания.

Илья Павлович Петрушевский.
Из открытых источников

тан, а лучше сказать, просто игнорировался, хотя, как отмечалось выше, определенные прорывы в этой области наблюдались еще в первой половине XIX в. В лучшем случае историки повторяли тезис о вере Чингисхана и его людей в покровительство Неба (или бога)⁷², но приоритет всегда оставался за сугубо земными, социально-экономическими процессами, приведшими в движение огромные массы кочевников. Однако было бы несправедливым обвинять советских ученых в замалчивании монгольской имперской идеологии. Во-первых, они углублялись в другие вопросы истории Монголии, где достигли хороших результатов, во-вторых, ментальный мир кочевников вообще был еще мало изучен мировой наукой⁷³. Даже классики отечественного востоковедения не смогли до конца (насколько им позволяли доступные тогда источники) проникнуть в тайны принятия решений Чингисханом и представителями его «золотого рода». Например, сравнивая кругозор Тамерлана (1336–1405) и Чингиса, В.В. Бартольд оценивает когнитивные способности последнего довольно скептически: «Мировоззрение Чингисхана до конца было мировоззрением атамана разбойников»⁷⁴. Позже Б.Я. Владимирцов

⁷² См., напр.: *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. С. 12.

⁷³ *Дробышев Ю.И.* Эволюция представлений о роли ментального фактора в возникновении Монгольской империи в западной исторической науке // Золотоордынское обозрение (в печати).

⁷⁴ *Бартольд В.В.* Улугбек и его время // Записки Российской Академии наук. 1918. Т. XIII. № 5. С. 33.

сделал более широкое обобщение, приравняв властные полномочия монгольских ханов XI–XII вв. к прерогативам «атамана разбойничьей шайки»⁷⁵. В принципе, авторитета названных ученых было достаточно, чтобы в дальнейшем советское монголоведение не останавливалось на данном вопросе.

Впрочем, вскоре к ним прибавилось еще одно авторитетное имя — в 1937 г. в Иркутске вышел перевод первого тома классического труда А.К.М. д’Оссона, уже заслужившего высокую похвалу и В.В. Бартольда, и Б.Я. Владимирцова. Это было сочинение, опередившее свое время, поэтому за более чем век, прошедший с момента его опубликования во Франции, оно почти не устарело, но некоторые имеющиеся в нем суждения и оценки были ошибочными, а высокая репутация автора фактически их затушевывала. Монголов он изобразил хуже диких зверей. Моральный облик Чингиса, который якобы «заставил провозгласить себя императором»⁷⁶, тоже описан в выражениях, далеких от научного стиля⁷⁷. Но главная ошибка д’Оссона касательно нашей темы в другом. Уже во Введении он убеждает своих читателей в реальности Чингисова завещания о покорении всей земли: «Разгромив Персию, Чингиз-хан возвратился в Тангут, истребил население этого государства... и, пораженный болезнью, умер в опустошенной им стране, завещав своим сыновьям закончить завоевание мира»; и чуть ниже: «Так, выполняя последнюю волю Чингиз-хана, его потомки, полвека спустя после его смерти, царствовали почти над всей Азией»⁷⁸. Книга интересна также предисловием переводчика, который дал неплохой обзор имеющейся к тому времени литературы о Чингисхане и созданной им империи.

В том же году появилось первое издание «Золотой Орды» Б.Д. Грекова (1882–1953) и А.Ю. Якубовского, которая за последующие 13 лет эволюционировала из добротной научно-популярной книги в солидную академическую монографию⁷⁹. Однако идеологическая подоплека монгольской экспансии в ней не затрагивается.

⁷⁵ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. С. 80.

⁷⁶ Д’Оссон К. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. Т. I. Чингиз-хан / Пер. и предисл. Н. Козьмина. Иркутск: ОГИЗ Восточносибирское областное изд-во, 1937. С. 1.

⁷⁷ Там же. С. 218.

⁷⁸ Там же. С. 2. См. также: Там же. С. 217–218.

⁷⁹ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда. Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. 204 с.; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда. Л.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941. 208 с.; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 478 с.

В роковом для нашей страны 1941 г. отечественная наука обогатилась сразу тремя важными публикациями источников по средневековым монголам: вышли давно подготовленная В.Г. Тизенгаузенем подборка персидских материалов по Золотой Орде⁸⁰, «Квадратная письменность» Н.Н. Поппе⁸¹ и «Сокровенное сказание монголов» в переводе С.А. Козина⁸². Сейчас для нас интересны две последние.

Работа Н.Н. Поппе ценна не только введением в широкий научный оборот монгольских памятников, выполненных квадратной письменностью. Ученый снабдил тексты примечаниями, в частности, он подробно разобрал выражение «Силою вечного тенгри и величием императора», которым начинаются указы хаганов и членов хаганского двора⁸³. Над ней размышляло немало специалистов, предлагавших те или иные варианты ее перевода как до появления данного труда, так и после⁸⁴. Версия Н.Н. Поппе очень близка к современной трактовке.

Не касаясь сейчас собственно «Сокровенного сказания», представляющего собой настоящий клад сведений о жизни Чингисхана и представлений как его самого, так и его современников о мироустройстве⁸⁵, обратимся к предисловию С.А. Козина. Исследователь высказал любопытное предположение, что над Тэмучжином, которого недолюбливали его мать и братья, тяготело семейное предание о его рождении со сгустком крови в ладошке, «в чем усматривалась какая-то страшная, роковая обреченность». Мысль об этом якобы не давала пытливому юноше покоя и в конце концов привела его к осознанию своей predeterminedенной свыше особой миссии на земле, а в чем конкретно она заключалась и какие пути ведут к ее осуществ-

⁸⁰ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.

⁸¹ Поппе Н.Н. Квадратная письменность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 165 с.

⁸² Козин С.А. Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.

⁸³ Поппе Н.Н. Указ. соч. С. 92–101.

⁸⁴ Здесь следует назвать И.А. Ключкина (1889–1938), который предложил иной перевод начальных слов из письма ильхана Аргуна (1284–1291) французскому королю, коренным образом меняющий смысловую нагрузку: «Во имя (ради) могущества предвечного тэнгри, во имя величества царя (Хубилая), Аргун, я говорю» (Ключкин И.А. О чем писал Иль-Хан Аргун Филиппу Красивому в 1289 г. (К разбору древнейших памятников монгольской письменности). Владивосток: Студенческое издательство, 1925. С. 3).

⁸⁵ Об этом см.: Дробышев Ю.И. Чингисхан о власти (по материалам «Сокровенного сказания монголов») // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2. С. 198–209.

Обложка первого издания коллективной монографии
«История Монгольской Народной Республики» (1954).

Из открытых источников

влению, показали ему события детства и юности⁸⁶. Однако речь вовсе не шла о предназначении Тэмучжина поставить на колени весь мир. Перед ним стояла задача «разгромить и уничтожить анархию разложившегося феодально-родового строя путем истребления сильнейших его представителей и вместе с тем и личных врагов и подчинить единой власти всех остальных», иными словами, создать в степях единоедержавное Монгольское государство⁸⁷. Сообразно этому, для подавления феодалов Тэмучжин опирался на «верхние слои крестьянства»⁸⁸. Жизненные перипетии укрепили в нем веру в помощь Вечного Неба и матери-земли⁸⁹. Похоже, слова С.А. Козина не оставили в советском монголоведении заметного следа, чего нельзя сказать о его труде, который до сих пор служит для многих отечественных ученых настольной книгой.

⁸⁶ Козин С.А. Указ. соч. С. 65.

⁸⁷ Там же. С. 66.

⁸⁸ Там же. С. 68.

⁸⁹ Там же. С. 67.

В 1954 г. увидела свет коллективная монография «История Монгольской Народной Республики», подготовленная совместными усилиями историков СССР и МНР⁹⁰. Монгольской империи в ней уделено лишь 38 страниц из 384, отсюда неизбежный схематизм и упрощение. Причина возникновения империи, согласно редакторской позиции, — классовое расслоение монгольских племен, приведшее к выделению из них нойонства, которое не могло быть удовлетворено прежними родо-племенными формами организации и нуждалось в аппарате насилия в лице государства⁹¹. Когда же такой аппарат сложился, «наряду с эксплуатацией монгольских аратов, ограбление чужих народов стало главной целью захватившего власть Чингисхана, нойонской знати и их дружинников — нукэров»⁹². Поскольку устремления монгольской верхушки сполна объясняют логику ее внешнеполитических действий, отпадает необходимость излагать причины конкретных военных походов: в 1211 г. Чингис просто ведет войска на империю Цзинь, в 1218 г. монголы занимают Восточный Туркестан и Семиречье, борьба с Хорезмом начинается вследствие «обострения отношений» между Чингисханом и хорезмша-

⁹⁰ О сложностях создания этого труда см.: Юсупова Т.И. К истории первого совместного советско-монгольского научного проекта по подготовке однотомника «История МНР» // «Я рад, что стал монголоведом». К 85-летию С.К. Рощина / Отв. ред. С. Чулуун. Улаанбаатар: АДМОН, 2015. С. 271–293.

⁹¹ История Монгольской Народной Республики / Гл. ред. Б.Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 85.

⁹² Там же. С. 91. Именно эта «главная цель» приписывалась Чингисхану и его сподвижникам также в двух последующих изданиях этой книги (История Монгольской Народной Республики / Гл. ред. Е.М. Жуков, Б. Ширендыб и др. М.: Наука, 1967. С. 113; История Монгольской Народной Республики / Гл. ред. А.П. Окладников, Ш. Бира и др. М.: Наука, 1983. С. 134). Аналогичное мнение см. в: Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. Ч. I / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 795, 798, 799, 801. Впрочем, нелишне заметить, что этот многотомный труд — единственное из известных нам произведений советского периода, в котором высказывается «крамольная» мысль, явно опередившая свое время: «По-видимому, первоначально Чингисхан не думал о распространении своих завоеваний в сторону Персии и желал, чтобы между его владениями в Мавераннахре и Персией не было культурных земель, какими являлись рустики (волости) Мервского оазиса» (Там же. С. 808). Цитата взята из раздела, написанного совместно И.П. Петрушевским и А.Я. Якубовским — оба были прекрасными знатоками истории описываемого в нем региона, но точно авторство определить мы пока не беремся, хотя склоняемся в пользу второго из названных ученых, поскольку первый четко проводил через свои труды идею о непреклонном стремлении Чингиса к всемирной власти. На Западе подобные мысли о преднамеренном создании Чингисханом пояса «a sort of no man's land» в Восточном Иране высказывал Р. Груссе (Grousset R. The Empire of the Steppes. New Brunswick: Rutgers University Press, 1970. P. 243–244). Теперь они практически общеприняты.

хом, а последнее его военное предприятие — уничтожение тангутского государства — никак не объясняется. В таком же духе, и очень кратко, рассказывается и о продолжении захватнических войн после смерти Чингисхана.

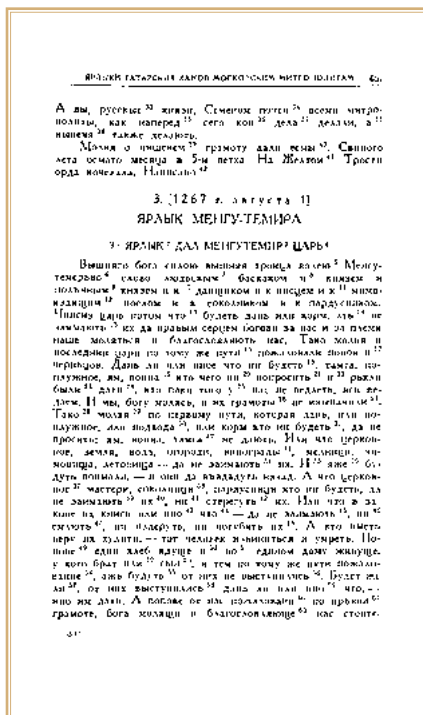
Никаких сведений о роли Неба в политических событиях в монографии не приводится, хотя авторы признают, что «идеологической основой раннего феодализма» в Монголии был шаманизм в «несколько измененном и усложненном виде»⁹³. Это и есть то самое явление духовной культуры центральноазиатских номадов, которое ныне принято называть тэнгрианством по имени Неба — Тэнгри. Не вдаваясь сейчас в подробности, отметим, что тэнгрианство — это прежде всего культ Неба, который в условиях централизации власти в степях радикально политизируется и выдвигается на первый план, приобретая некоторые черты монотеизма, тогда как «классические» шаманские практики остаются на периферии общественной жизни.

Тон, заданный в первом издании этого труда, был сохранен и в двух последующих. Материалы по имперскому периоду монгольской истории по-прежнему излагались очень кратко (и с теми же ошибками — например, правление Угэдэя дается с 1228 г.), а идеологический аспект не прозвучал совершенно. В издании 1983 г. приведен очень хороший библиографический обзор, но перечисленные источники и пособия были использованы самими авторами явно недостаточно, хотя заметно расширен раздел по культуре средневековых монголов.

Продолжалось изучение ханских ярлыков, начатое еще задолго до революции. Интерес к этой теме вспыхивал эпизодически. К середине 1950-х гг. было подготовлено их новое комментированное издание, из которого советский читатель мог извлечь некоторое представление об идейных устоях Золотой Орды (ссылки на «силу всевышнего бога», величие ханских «дедов и прадедов» и Ясу)⁹⁴. Впоследствии к данной проблеме обратился А.П. Григорьев (1931–2010) уже на гораздо более широком материале в разрезе средневековой монгольской дипломатии. В частности, он подробно разобрал преамбулы Чингисидских

⁹³ История Монгольской Народной Республики. М., 1954. С. 81. Аналогичного мнения придерживался и крупный советский теоретик номадизма Е.М. Залкинд (1912–1980), полагавший, что констатации этого факта достаточно для освещения идеологической жизни монгольского общества периода империи (Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 185).

⁹⁴ Ярлыки татарских ханов московским митрополитам // Памятники русского права. Вып. 3 / Под ред. Л.В. Черепнина. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1955. С. 463–491.

Страница из книги «Памятники русского права» (1955) с текстом ярлыка Менгу-Темира, начинающегося с монгольской «имперской» преамбулы.

Из открытых источников

посланий и жалованных грамот, где постулируются основополагающие представления монгольской идеологии. Результаты своих исследований автор опубликовал в серии статей и нескольких монографиях; из числа последних особо отметим небольшую, но крайне важную книгу 1978 г.⁹⁵

Попутно упомянем еще одну работу, посвященную дипломатическим отношениям монголов, — монографию С.З. Закирова (1908–?), основанную на его кандидатской диссертации, защищенной еще в 1947 г., в которой подробно рассматриваются контакты золотоордынских ханов с египетскими султанами на фоне международной обстановки XIII–XIV вв. Историк констатировал, что «основой основ» системы управления и у Джучидов, и у их соперников Хулагуидов была *Яса* Чингисхана⁹⁶, но не придал значения имперским формулировкам в начале писем мон-

⁹⁵ Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XIV вв. (чингизидские жалованные грамоты). Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 136 с.

⁹⁶ Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: Наука, 1966. С. 105.

гольских ханов до принятия ими ислама и не процитировал их ни разу⁹⁷. Хотя С.З. Закиров не отрицал роль религии в политике, никаких признаков прежних верований монголов в книге нет, а ведь именно на них изначально строилась их внешняя политика.

В 1962 г. вспомнили о Чингисхане: в солидных советских журналах вышло сразу две посвященные ему статьи — академика И.М. Майского (1884–1975) и совместный труд Н.Я. Мерперта (1922–2012), В.Т. Пашуто (1918–1983) и Л.В. Черепнина (1905–1977)⁹⁸. Это было не случайным совпадением, а реакцией на празднование в том же году 800-летия со дня рождения Чингисхана в маоистском Китае⁹⁹, где грозный завоеватель стал почитаться как представитель одного из национальностей «семьи народов» Поднебесной, положивший начало ее объединению после многовековой раздробленности. Заодно почестей удостоился и его внук Хубилай, основатель династии Юань (1271/1272–1368). Советские историки обязаны были напомнить, что успехи монголов обеспечивались отнюдь не гением их предводителей, а слабостью их врагов, не способных ни на Востоке, ни на Западе преодолеть феодальные разногласия и сплотиться против общей угрозы. Впрочем, по заявленной теме почти ничего нового не прозвучало. Хотя все названные авторы так или иначе соприкасались с монгольской тематикой, ни один из них не был профессиональным монголоведом. Приходится предположить, что если применение марксистско-ленинской методологии в анализе возникновения Монгольской империи вообще и роли в этом процессе Чингисхана в частности приводило к результатам, которые, в свою очередь, давали

⁹⁷ Однако С.З. Закиров привел цитату из труда мамлюкского энциклопедиста ал-Калкашанди (1355–1418) о том, что переписка потомков Чингисхана до обращения в ислам представляла собой «грубости и открытые вызовы к вражде» (Там же. С. 126–127; *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. С. 415). Таким было общее впечатление разных народов, получавших монгольские ульгиматумы. Его разделяли многие российские и западные историки XVIII–XX вв.

⁹⁸ *Майский И.М.* Чингисхан // Вопросы истории. 1962. № 5. С. 74–83; *Мерперт Н.Я., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Чингисхан и его наследие // История СССР. 1962. № 5. С. 92–119.

⁹⁹ «Сокровенное сказание монголов» не дает точной датировки появления Чингисхана на свет, китайские средневековые источники сообщают, что он родился в 1162 г., а Рашид ад-Дин указывает на 1155 г. В условиях идеологического противостояния с КНР советским ученым было предпочтительнее принять сторону персидского историка. К тому же этой даты придерживался сам Карл Маркс (*Маркс К.* Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса / Под ред. В. Адоратского. Т. V. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1938. С. 219). Впрочем, этот принцип не выдерживался строго.

возможность делать подобные обобщения, то, наверное, она являлась для этой цели не самым подходящим инструментом.

Растущий интерес к Чингисхану на Западе и, главное, восхваление его в КНР должны были стимулировать изучение проблем истории Монгольской империи и в СССР. Неоценимый вклад в развитие советского монголоведения внесли И.П. Петрушевский, Б.И. Панкратов (1892–1979), Н.П. Шастина (1898–1980), А.А. Али-Заде (1906–1979), А.Г. Галстян (1908–1979), Л.Л. Викторова (1921–2006), Н.Ц. Мункуев, З.М. Буниятов (1923–1997), Л.А. Боровкова (1930–2011) и другие ученые как публикацией и переводом важнейших источников, так и разработками отдельных вопросов. Несмотря на критическое отношение к научному наследию В.В. Бартольда, так и не успевшего стать подлинным марксистом, историки во многих случаях отталкивались от его трудов, а «Общественный строй монголов» Б.Я. Владимирцова стал для многих из них чем-то вроде «священного писания», правда, не совсем свободного от критики: допускалось считать, что автор преувеличил развитие в монгольском социуме феодальных отношений¹⁰⁰.

В 1970 г. вышел сборник статей «Татаро-монголы в Азии и Европе»¹⁰¹, написанных как авторитетными специалистами, так и пока еще малоизвестными учеными, отчего уровень поданного в нем материала заметно варьируется. К этому времени разногласия между СССР и КНР достигли вооруженной кульминации. Идеализация же Чингисхана и его детища — огромной евразийской империи — заняла важное место в маоистской пропаганде, так как все территории, когда-то находившиеся под властью монголов, которые теперь считались одним из коренных народов Средней империи, были объявлены де-юре принадлежностью Китая. В реалиях тех лет это означало отрицание независимости МНР и непризнание законности владения Советским Союзом землями на Дальнем Востоке, так что события многовековой давности приобрели чрезвычайную актуальность. Советским ученым в кооперации с монгольскими коллегами требовалось показать необоснованность этих претензий¹⁰²,

¹⁰⁰ Румянцев Г.Н. Труды Б.Я. Владимирцова по истории монголов // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 81. Разумеется, и здесь находились свои «еретики», такие как С.Е. Тольбеков (1907–1995), В.Ф. Шахматов (1908–1964), Г.Е. Марков (1923–2018), не разделявшие убеждений Б.Я. Владимирцова и жарко дискутировавшие с его «ортодоксальными» последователями.

¹⁰¹ Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С.А. Тихвинский. М.: Наука, 1970. 476 с.

¹⁰² Так, в 1980 г. в Монголии вышла на русском языке хорошо аргументированная и в меру эмоциональная брошюра ведущих монгольских историков: *Бира Ш., Ишжаму Н., Сандаг Ш.* Маоистская фальсификация истории МНР и историческая

и это оказался тот счастливый случай, когда политика поспособствовала продвижению советской науки, не сильно заинтересованной, как уже отмечалось, в изучении Монгольской империи¹⁰³.

Естественно, книга тоже не была свободна от идеологических клише. Включенные в нее статьи должны были на большом фактическом материале опровергнуть заявления китайских историков и пропагандистов и продемонстрировать, какие неисчислимы бедствия принесли монгольские завоевания разным странам и народам, в том числе самому китайскому народу, а также и простым монгольским пастухам. Авторы, в основном, разбирали социально-экономические и военно-политические проблемы становления империи, не придавая значения ментальному фактору. Следуя прочно закрепленной в советской и монгольской науке установке, они положительно оценивали роль Чингисхана в объединении кочевых народов, но его военные кампании за пределами степей понимали однозначно отрицательно, причем априори приписывали ему желание всемирной власти, хотя истинной причиной монгольских завоеваний считали процесс сложения в степях феодализма. Инициатором войн всегда показан либо сам Чингис, либо его потомки — в этом советские историки были солидарны. Даже в случае войны с Хорезмом И.П. Петрушевский доказывает вину Чингисхана в развязывании этого конфликта; более того, ученый убежден, что захват Средней Азии «должен был стать лишь начальным этапом завоевания всей Западной Азии и Восточной Европы»¹⁰⁴. Аналогично и рейд Чжэбэ и Субэдэя в 1222–1223 гг. к русским границам трактуется в книге как «начало осуществления завоевательных планов монголов в отношении Восточной Европы»¹⁰⁵. «Единственной целью» монголов было «покорить себе всех», — утверждает А.Г. Галстян¹⁰⁶. В ином ключе построены статьи Н.П. Шастиной и Л.Н. Гумилева (1912–1992). В первой беспристрастно рассматривается образ великого монгола, запечатленный в монгольской средневековой

правда. Улан-Батор: Госиздат, 1980. 56 с. Вышеупомянутая монография Ч. Далая тоже была четко нацелена на развенчание китайских политических мифов.

¹⁰³ Вероятно, тому же самому обстоятельству обязано появление переводов В.С. Таскина (1917–1995) и А.Г. Малявкина (1917–1994) выдержек из китайских источников о домонгольских кочевниках Центральной Азии и вообще серьезное внимание советских ученых к истории этого региона в древности и средневековье в 1960–1980-е гг.

¹⁰⁴ *Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1970. С. 110.*

¹⁰⁵ *Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Там же. С. 183.*

¹⁰⁶ *Галстян А.Г. Завоевание Армении монгольскими войсками // Там же. С. 171.*

Обложка первого издания коллективной монографии
«Татаро-монголы в Азии и Европе» (1970).
Из открытых источников

литературе, а во второй сделана интересная попытка разобраться в интригах вокруг ханского двора, повлиявших на идейное содержание «Сокровенного сказания монголов»¹⁰⁷. В целом же публикация этого сборника была большим шагом вперед, и не случайно через семь лет он был переиздан с некоторыми дополнениями и исправлениями¹⁰⁸.

Советские историки-русисты¹⁰⁹ активно поддерживали идею о стремлении монголов к мировому господству. Такая позиция не только

¹⁰⁷ Шастина Н.П. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов // Там же. С. 435–454; Гумилев Л.Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. // Там же. С. 455–474.

¹⁰⁸ Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. 2-е изд. М.: Наука, 1977. 504 с.

¹⁰⁹ Мы не рассматриваем здесь труды дореволюционных историков, так как сделали это в специальных статьях: Дробышев Ю.И. Монгольская империя и ее идеология в освещении дореволюционных российских историков: от Лызлова до Карамзина // Монголия — Россия: век независимости — век сотрудничества / Сост. и отв. ред. И.В. Кульганек, Т.И. Юсупова. СПб.: ООО ИД «Петрополис», 2021. С. 156–169; Дробышев Ю.И. Монгольская империя и ее идеология в освещении дореволюционных российских историков: от Полевого до Преснякова // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 3. С. 537–564.

не требовала познания причин их появления на русских рубежах (раз уж цель монголов — захватить весь мир, они просто не могли не прийти в том числе и на Русь), но и подпитывала национальную гордость через утверждение, что только героическая борьба восточных славян спасла неблагодарную Европу от неминуемого порабощения кровавыми монгольскими ордами¹¹⁰. «Преемники Чингисхана, верные его заветам, готовились накинуть аркан на человечество», — писал В.Т. Папуто¹¹¹. Советские авторы полемизировали с западными учеными, считавшими, что целью монголов была только Венгрия, король которой Бела IV (1235–1270) приютил бежавших половцев и тем самым подставил свою страну под удар, и, конечно, не могли согласиться с мнением, что монгольское отступление в 1242 г. было вызвано известием о смерти Угэдэя¹¹². Они скорее декларировали, чем подтверждали фактами реальность монгольских планов по захвату Руси и всей Европы¹¹³. Впрочем, справедливости ради надо признать, что до сих пор как нет неопровержимых доказательств намерения монголов покорить все страны Запада, так же отсутствуют и неотразимые подтверждения их нежелания идти дальше Венгрии. Да, имперская идеология, по-видимому, сформировавшаяся где-то к середине правления Угэдэя, должна была толкать монголов на завоевание всех известных им стран, но следует помнить о существенной разнице между теоретизированием и реальными возможностями и не приписывать средневековым монголам какого-то всемогущества. Как известно, даже в разоренной Венгрии они не смогли взять все замки и города, да и Галицко-Волынское княжество подчинилось им не сразу. При этом причины их появления в Польше и выхода к Адриатике вполне понятны и не имеют прямого отношения к покорению Европы как таковой.

¹¹⁰ Обычное в научной и публицистической литературе тех лет именование монголов «монголо-татарами» или «татаро-монголами» для нас сейчас не имеет значения.

¹¹¹ Папуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. С. 283.

¹¹² Папуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. С. 6–8. В этом отношении особняком стоят фундаментальные работы крупных советских ученых А.Н. Насонова (1898–1965) и Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000), связывавших уход монголов из Европы со смертью Угэдэя и в то же время считавших, что Чингис замышлял покорение всего мира (Насонов А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 9, 117; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 233).

¹¹³ Папуто В.Т. Героическая борьба... С. 147, 150, 151, 159; Очерки истории СССР. С. 830, 836; Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М.: Просвещение, 1966. С. 9, 15–20; Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М.: Высшая школа, 1967. С. 63–64, 66–67 и сл.

Одной из последних значимых работ, написанных в советские годы, была статья И.Я. Златкина (1898–1990), подготовленная специально к переизданию трудов Б.Я. Владимирцова, которое планировалось осуществить к 100-летию со дня его рождения. Однако это предприятие затянулось на несколько десятилетий, и книга увидела свет лишь в 2002 г., в результате чего суждения автора выглядят несколько экзотичными для эпохи, в целом, уже отказавшейся от марксистского понимания истории¹¹⁴. Статья представляет собой критический разбор исторических произведений Б.Я. Владимирцова. При общей их высокой оценке И.Я. Златкин обратил внимание, что «Чингисхан» и «Общественный строй монголов» написаны словно двумя разными людьми: автор первой работы объясняет роль Чингисхана в монгольской и мировой истории с идеалистических позиций, тогда как создатель второй стоит на диалектико-материалистической платформе¹¹⁵. И это действительно во многом так. Критика ученым раннего Б.Я. Владимирцова показательна как неприятие советской наукой всяких попыток объяснения протекающих в «базисе» явлений исходя из ее «надстройки»: «На наш взгляд, главными ее (книги «Чингисхан». — Ю.Д.) недостатками являются идеалистическая трактовка эпохи Чингисхана, перенесение центра тяжести исследования причинно-следственных связей из материального мира в мир идей и эмоций, игнорирование объективно-исторических тенденций развития монгольского общества, в котором завершался переход от доклассовых к классовым феодальным отношениям и классовому феодальному государству, непонимание того, что именно эта объективно-историческая ситуация обусловила жизнь и деятельность Чингиса»¹¹⁶.

Отсюда логически вытекает, что в сложившихся к концу XII в. в Монголии социально-политических и экономических условиях была практически неизбежна консолидация кочевников вокруг какого-то особо удачливого лидера, который, сплотив сначала все народы, «живущие за войлочными стенами», запустил бы потом серию грабительских рейдов к соседям-земледельцам, как это всегда делали и до него¹¹⁷, а затем попытался бы подчинить их своей власти уже на постоянной

¹¹⁴ Златкин И.Я. Борис Яковлевич Владимирцов — историк // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / Ред.: В.М. Алпатов и др. М.: Восточная литература, 2002. С. 13–48.

¹¹⁵ Там же. С. 27.

¹¹⁶ Там же. С. 30.

¹¹⁷ Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. С. 115.

основе. Поскольку же такой вождь, каким бы великим он ни казался, на деле всего лишь ставленник класса высших кочевых феодалов, эти последние ввиду имманентной им жажды обогащения неотвратимо направляли бы его на поиски новых источников наживы. Систематическое ограбление покоренных стран требовало создания административного аппарата и развития логистики, поэтому империя должна была получиться, хотел того ее родоначальник или нет. При таком раскладе попытки проникнуть в тайны мышления Чингисхана совершенно бесплодны, потому что ход истории подчиняется объективным законам, а не желаниям той или иной личности. Поэтому, как говорилось выше, идеологические аспекты политических процессов, приведших к созданию Монгольской империи, советскими историками либо игнорировались, либо примитивизировались до полной утраты своего эвристического потенциала.

Нельзя не сожалеть, что в *некоторых* вопросах, касающихся Чингисхана и созданного им государства, отечественная наука откатилась далеко назад, буквально до уровня европейских представлений о монголах XVIII–XIX вв., и вплоть до распада Советского Союза фактически воспроизводила идеи, прозвучавшие еще в произведениях Ф. Вольтера (1694–1778)¹¹⁸ и Ж. де Гиня (1721–1800). Так, в следующем, после статей 1962 г., программном обращении к теме Чингисхана тогдашнего директора Института востоковедения АН СССР М.С. Капицы (1921–1995) (и тоже не монголоведа!) главной целью великого монгола и его преемников указываются «наряду с эксплуатацией аратства ограбление чужих стран, завоевание новых земель и обогащение за счет покоренных народов»¹¹⁹. Нетрудно заметить, что это почти буквальное повторение идеи, высказанной еще в 1954 г. в «Истории МНР». При наличии готового ответа, как и 34 года назад, было излишне ставить вопрос о причинах войн Чингисхана с Цзинь, Си Ся или Хорезмом — жажда наживы монгольской аристократии, имевшей слишком узкую экономическую базу в самой Монголии, с одной стороны, и «внутренние противоречия» в стане ее оппонентов — с другой — объясняли любое успешное военное предприятие монголов, хотя автор, отдавая дань

¹¹⁸ Залкинд Е.М. Вольтер об империи Чингисхана // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1977. Вып. 1. С. 87–94. Современный историк О.В. Душников назвал это явление возвратом советской науки к «европоцентристским мифам XVIII–XIX вв.» (Душников О.В. Указ. соч. С. 82, 96, 98).

¹¹⁹ Капица М.С. Еще раз о роли Чингисхана в истории // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 54.

советской традиции, признавал, что Чингисом владела идея создания всемирной державы¹²⁰.

Господствовавшая в стране идеология вызвала в монголоведении еще одну довольно курьезную, но закономерную деформацию. Дружба между СССР и МНР, как и вообще коммунистическая доктрина, вынуждала ученых неизменно подчеркивать, что войны, захваты и грабежи были нужны только ханам и нойонам, тогда как простые араты мечтали лишь о мирной жизни в родных кочевьях. Именно такая картина изображена в «Истории Монгольской Народной Республики». В свете того, что хорошо известно о монгольских нашествиях из многочисленных средневековых источников, она выглядит фантазмагорично: «В XIII в., когда совершались важнейшие походы с завоевательными и грабительскими целями, монгольская военно-нойонская аристократия пыталась развратить рядовых воинов, заставляя их грабить мирное население земледельческих стран. Когда же период завоевательных войн кончился, монгольские кочевники снова в своей основной массе занялись скотоводством и из воинов превратились в людей мирного труда»¹²¹. Ниже эта же мысль подается в несколько смягченной форме: «Идеалы простого кочевника противоположны интересам степной аристократии. Если помыслы феодалов были направлены на проведение грабительских набегов, что отражено в феодальной литературе, то помыслы простого народа были устремлены к мирному труду, разведению скота и т.д.»¹²². Оба высказывания воспроизводятся практически слово в слово также во втором и третьем изданиях «Истории МНР»¹²³. Увы, эта красивая идея была бесконечно далека от реальности¹²⁴. Более того, как тогда объяснить те неслыханные жестокости и массовые казни, в том числе женщин и детей, сообщениями о которых изобилуют сочинения, созданные в самых разных подвергшихся монгольскому нападению странах? Чьих рук это было дело?

¹²⁰ Там же. С. 55.

¹²¹ История Монгольской Народной Республики. М., 1954. С. 104.

¹²² Там же. С. 117. Ср.: Паушто В.Т. Героическая борьба... С. 119. В своей статье А.Ю. Якубовский высказался по этому поводу еще более обтекаемо: «Воспитанная с детства в степи привычка к набегам и добыче создала в кочевнике, преимущественно в среде господствующего класса племени, взгляд на грабительский набег, как на дело, участвовать в котором считалось "честью"» (Якубовский А.Ю. Из истории... С. 92).

¹²³ История Монгольской Народной Республики. М., 1967. С. 127, 142; История Монгольской Народной Республики. М., 1983. С. 146, 164.

¹²⁴ Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. С. 124–125.

Примиришь бесчисленные факты монгольских зверств из средневековых источников и советские идеологические постулаты неоднократно пытался И.П. Петрушевский. В брошюре, изданной в конце 1941 г. в Баку и призванной поднять боевой дух азербайджанского народа напоминанием о его сопротивлении монгольским захватчикам, историк возложил вину за акты жестокости исключительно на Чингисхана и его потомков: «Было бы большой ошибкой в массовых избиениях населения видеть стихийные акты жестокости монгольского народа вообще, как думали некоторые европейские историки. На самом деле монгольскому народу вовсе не присуща была какая-то особая жестокость, и он не повинен был в этих актах жестокости. Это были организованные акты политики Чингиз-хана и его преемников, имевшие целью истребление наиболее активных элементов населения и создание массовой паники в странах, ставших объектами завоевания»¹²⁵. Скорее всего, монгольский террор, действительно, был продуманной, целенаправленной политикой, но осуществляли его простые араты без какого-либо нажима со стороны вышестоящих: такова была психология средневековых номадов. Ни из каких источников неизвестно случаев, чтобы кочевников (неважно, монгольских или каких-то иных) когда-либо требовалось *принуждать* к грабежу или убийству. С одной стороны, причина оправдания «братского» народа вполне понятна. С другой же — в те дни, когда писались цитированные выше строки, еще очень свежа была память о страшной фрустрации, постигшей советских людей в самом начале Великой Отечественной войны, когда одетые в военную форму немецкие рабочие и крестьяне, вместо того чтобы повернуть оружие против общего врага — немецкой буржуазии, методично и беспощадно убивали таких же людей труда, как и они сами. Идеология национал-социализма оказалась гораздо мощнее интернациональной общности классовых интересов. У нас есть веские основания думать, что нечто подобное наблюдалось и в XIII в. Позже, в предисловии к изданию академического перевода знаменитого ильханского историка Рашид ад-Дина И.П. Петрушевский тоже противопоставил монгольскую верхушку как организатора террора и простых монголов как вынужденных исполнителей и заключил свои рассуждения словами: «Тем более в этой политике не повинен монгольский

¹²⁵ Петрушевский И.П. Из героической борьбы азербайджанского народа в XIII–XIV веках. Баку: Изд-во АзФАН, 1941. С. 16.

народ»¹²⁶. Прошло еще почти два десятилетия, но ученый не изменил своих взглядов: «Это была целая система массового организованного террора, проводившаяся сверху (а не снизу, рядовыми воинами, как при прежних вторжениях кочевников)»¹²⁷.

Специалист по Древней Руси Б.Д. Греков нашел, как ему казалось, подтверждение того, что нойонство и аратство в XIII в. имели разную психологию и вели себя по отношению к покоренному населению различно. Он обратил внимание на положительную характеристику, которую дал рядовым монгольским воинам проповедник Серапион Владимирский (?–1275), явно не мотивированный на их восхваление, и заключил на этой основе, что «Серапион различает представителей власти и ее аппарат, т.е. тех, кто задумал поход и кто использовал в своих интересах победу, от тех, кто вынужден был повиноваться и шел за своими повелителями доставать им земли и дани, которыми сам не пользовался»¹²⁸. К сожалению, историк упустил из виду, что простые монголы были очень дружны только между собой, о чем писал, между прочим, еще Плано Карпини, имевший возможность долго их наблюдать, но к остальным людям они относились крайне высокомерно и пренебрежительно, и уж во всяком случае без малейшей жалости. Следует заметить, что, пожалуй, более никто из советских историков не высказывал подобных идей столь категорично. Глядя на эти высказывания сегодня, мы снисходительно оправдываем ученых, которым приходилось в те годы подгонять факты под идеологические шаблоны (мол, время было такое!), но легкие времена у нас вообще выпадают не часто.

Советские историки постоянно говорили о стремлении кочевых феодалов к обогащению, едва ли в полной мере отдавая себе отчет в том,

¹²⁶ Петрушевский И.П. Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. Л.А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 32. В другой работе ученый не только обсудил этот вопрос более развернуто, но и привел в обоснование не лишнее интереса наблюдение: если типичной чертой монгольских войн эпохи Чингисхана и его ближайших преемников были массовые избиения, то уже в XIV в. их характер практически не отличался от обычных войн в Азии (Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 30–32).

¹²⁷ Петрушевский И.П. Поход монгольских войск... С. 115. См. также: Бабаян Л.О. Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1969. С. 151. Возвращаясь к аналогии с Великой Отечественной войной, можно вспомнить появляющиеся иногда неуклюжие попытки переложить ответственность за злодеяния с немецкой нации на немецкую верхушку или хотя бы с вермахта на СС.

¹²⁸ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ. соч. 1941. С. 176.

что, в отличие от земледельца или ремесленника, для номада истинное мерило богатства — скот, и в первую очередь лошади, а отнюдь не груды золота и шелка¹²⁹. Именно лошадой монголы сразу же отнимали у разбитых врагов, низводя их до положения «неполноценных мужей» и лишая в то же время возможности вести степной бой, а также немедленно экспроприировали у покорившихся крестьян¹³⁰. Везти же с собою круглый год с места на место сокровища не было обычаем даже среди крупных степных правителей. Образ жизни и менталитет, сама кочевая экономика, наконец, не благоприятствовали накопительству. Американский востоковед Оуэн Лэттимор (1900–1989) точно подметил, что «именно бедный кочевник является настоящим кочевником»¹³¹. Естественно, от добычи номады никогда не отказывались, а оказавшись потом в оседлом мире, потомки завоевателей быстро привыкали к роскоши, которая в итоге их и губила, но сейчас речь не об этом.

К сказанному необходимо добавить, что с монголооведами рука об руку шли российские и советские тюркологи (В.В. Радлов (1837–1918), П.М. Мелиоранский (1868–1906), С.Е. Малов (1880–1957), С.Г. Кляшторный (1928–2014), И.В. Стеблева (1931–2021), Д.Д. Васильев (1946–2021) и многие другие), отыскивавшие, публиковавшие и интерпретировавшие

¹²⁹ Не случайно монгольское слово «*мал*» означает как «скот», так и «богатство» (Большой академический монгольско-русский словарь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. Т. II. М.: Academia, 2001. С. 314–315). Показателен в этом отношении разговор известного русского ученого, литератора и государственного деятеля А.И. Левшина (1797–1879) с богатым казахом: «Однажды спросил я одного владельца 8000 лошадей, почему он не продает ежегодно по некоторой части табунов своих. Он отвечал мне: “Для чего стану я продавать свое удовольствие? Деньги мне не нужны; я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, и всякий говорит, что я богат”» (Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Часть третья: Этнографические известия. СПб.: Типография К. Крайя, 1832. С. 83–84). Аналогичное свидетельство мы имеем и из исторического труда Рашид ад-Дина: «Мунулун обладала полным достатком и богатством. ... [Через] каждые несколько дней она приказывала сгонять табуны; коней и скот не могли сосчитать вследствие [их] многочисленности, но когда от вершины горы, где она сидела, до подножия горы, которым была большая река, вставало столько скотины, что земля была сплошь покрыта копытами, она говаривала: “Собрано все полностью!” — в противном же случае она приказывала идти на поиски стада» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. О.И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 18).

¹³⁰ Али-Заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку: Изд-во АН АзССР, 1956. С. 127–128.

¹³¹ Lattimore O. The Geographical Factor in Mongol History // The Geographical Journal. 1938. Vol. 91. No. 1. P. 15.

рунические памятники эпохи тюркских каганатов (VI–IX вв.), в которых ясно выражена идея о небоизбранности и универсальной власти каганов, подобная монгольской¹³². Эти запечатленные в камне политические декларации имеют намного более связный и пространственный характер, чем рассеянные по самым разным источникам крупицы сведений о мироустроительной идеологии монголов. Сейчас тюркологи продолжают споры о соотношении нативных и заимствованных из Китая политических концептов, сохранившихся на древнетюркских стелах, а специалисты по Монгольской империи дискутируют вклад тех и других в формирование монгольских представлений об их привилегированном положении в Универсуме. Однако в советское время эти материалы практически не привлекались учеными для решения вопроса о легитимации верховной власти у средневековых монголов, скорее всего, просто потому, что такой вопрос и не ставился. Тем не менее советские специалисты могли почерпнуть эти сведения из опубликованной на русском языке превосходной монографии монгольского историка Ш. Бира¹³³.

В чем была новизна подходов советского монголоведения к изучению происхождения Монгольской империи? Если прежние исследователи основной причиной монгольских нашествий находили неутолимую жажду грабежа, то советские ученые решали эту задачу дифференцированно: по их мнению, грабить соседние народы (а заодно и свой собственный) хотели только власть имущие, тогда как простые монголы мечтали лишь о мирной жизни в родных кочевьях. Согласно представлениям, которые господствовали в те годы в отечественной науке, протекавший в монгольских степях процесс классовообразования привел к появлению правящей ханско-нойонской прослойки, которую не удовлетворял доход, получаемый от эксплуатации аратов, поэтому требовалось искать добычу вовне, а для этого было необходимо объединить силы

¹³² Атлас древностей Монголии. Вып. 1–4 / Издан по поручению Императорской Академии наук В.В. Радловым. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1892–1899; Радлов В.В., Мелиоранский П.М. Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1897. 45 с.; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.; Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 111 с.; Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 215 с.; Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI–VIII веков. М.: Наука, 1965. 148 с.; Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, 1983. 127 с.

¹³³ Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М.: Наука, 1978. С. 8–9, 30–31.

под крепкой ханской властью. Когда это наконец произошло, начались непрерывные набеги на соседние страны, после 1215 г. сменившиеся попытками утвердиться на захваченных землях, чтобы разорять их постоянно и системно, в том числе — позже — и путем налогообложения. Это уже потребовало организации управления, откуда и проистекла в результате огромная империя. Естественно, львиная доля всех доходов отправлялась в ханские сундуки, а простые воины как голодали прежде, так и продолжили голодать¹³⁴. Монгольское доминирование задержало развитие не только покоренных стран, но и самой Монголии, а то и отбросило ее назад. Даже в годы перестройки монголоеды продолжали утверждать, видимо, по инерции, что существовавшие в Монгольской империи отношения господства и подчинения истощили материальные и людские ресурсы монгольского народа, что «обусловило впоследствии упадок и отставание скотоводческой Монголии от европейских стран»¹³⁵. Разные социально-экономические условия в различных частях Монгольской империи вкупе с национально-освободительной борьбой поработанных народов привели ее к закономерному краху.

В конечном итоге следование руслу исторического материализма привело советскую науку к догматической трактовке событий XII–XIV вв. Однако не все ученые, даже оставаясь формально марксистами, воспроизводили в своих трудах готовые штампы. Например, культурологический подход известного ленинградского монголоведа Л.Л. Викторовой буквально распахнула горизонты, открыв совершенно новую перспективу в нашем понимании процессов, способствовавших сложению Монгольской империи. Л.Л. Викторова показала роль исторических предшественников монголов — монголоязычных киданей, которые в X в. — начале XII в. владели степями и, вполне возможно, принесли туда некоторые идеи, заимствованные из китайской политической философии. Она первой в СССР отметила значение Керейтского ханства как медиатора в передаче кочевникам культурно-политического наследия рухнувшей в 1125 г. империи

¹³⁴ Говоря о бедственном положении простых монголов в период империи (прежде всего о тех, кто оставался в самой Монголии), советские историки не сильно грешили против истины. Награбленные в Китае или Иране драгоценные камни, золотые сосуды и дорогие одеяния мало способствовали выживанию в суровых условиях Центральной Азии, где главнейшее значение всегда имело наличие в хозяйствах достаточного количества скота. Экспроприированный в дальних походах скот, как правило, там же и потреблялся, а скотоводство Монголии веками страдало и продолжает страдать даже теперь от погодных катаклизмов.

¹³⁵ Гольман М.И. Предисловие // Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. С. 5.

Лидия Леонидовна Викторова.
Из открытых источников

Ляо и напомнила о пребывании при дворе хана керейтов выходцев из знатных монгольских семей, в том числе Тэмучжина и Чжамухи. Там же в качестве цзиньских послов останавливались кидани, происходившие из бывшей императорской фамилии Елюй. Приобщение юного Тэмучжина к устоям одного из наиболее продвинутых политических образований Монголии той эпохи и одновременно — к киданьской культуре подготовило его, по мнению исследовательницы, к роли государственного деятеля и преемника наследия киданьской империи¹³⁶. Знаменитый киданьский советник Елюй Чуцай (1189–1243) был призван Чингисханом только в 1218 г. Идеи Л.А. Викторовой обогатил новосибирский историк и культуролог Г.Г. Пиков уже в постсоветское время. По убеждению пишущего эти строки, ключ к пониманию причин превращения кочевой политики Чингисхана в мировую империю следует искать именно здесь.

Падение в СССР идеологического диктата на рубеже 1980–1990-х гг. привело к широкому разбросу мнений и проникновению в страну

¹³⁶ Викторова Л.А. Монголы. Происхождение народа и история культуры. М.: Наука, 1980. С. 171–175. Об этом говорится в «Сокровенном сказании»: «Чжамухе же, анде своему, Чингисхан наказывал сказать так: “Ты из ненависти разлучил меня с ханом и отцом моим. Бывало, тому из нас, кто вставал раньше, полагалось пить из синей чаши хана и отца. Вставая раньше, я и получал право пить из нее. Вот ты и возненавидел меня с тех пор из зависти. Осушайте же теперь отцову ханскую синюю чашу! Не много отнимете у меня!”» (Козин С.А. Указ. соч. § 179. Этот примечательный факт, сильно напоминающий традиционный степной институт заложничества, почему-то не привлекал к себе должного внимания историков).

методологии различных европейских и североамериканских научных школ. Это открыло альтернативные пути поиска ответов на вопросы, как и почему возникла Монгольская империя, чего хотел сам Чингисхан и какую роль в исторических процессах играла идеология. Однако, отдавая дань появившейся в те годы свободе научного дискурса, не следует все-таки забывать, что отечественное востоковедение «стояло на плечах гигантов» советской эпохи, которые, в свою очередь, развивали идеи, заложенные еще классиками дореволюционной российской науки.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Али-Заде А.А. *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв.* Баку: Изд-во АН АзССР; 1956. 420 с.
Ali-Zade A.A. *Socio-economic and political history of Azerbaijan in the 13th–14th centuries.* Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR; 1956. 420 p. (in Russ.).
2. *Атлас древностей Монголии.* Издан по поручению Императорской Академии наук В.В. Радловым. Вып. 1–4. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук; 1892–1899. 40 +112 л. ил.
Atlas of Mongolia's Antiquities. Published on behalf of the Imperial Academy of Sciences by V.V. Radlov. Issue 1–4. St. Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences; 1892–1899. 40+112 ill. (in Russ.).
3. Бабаян Л.О. *Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV веках.* М.: Наука; 1969. 336 с.
Babayan L.O. *Socio-economic and political history of Armenia in the XIII–XIV centuries.* Moscow: Nauka; 1969. 336 p. (in Russ.).
4. Банзаров Д. Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов. *Записки Санктпетербургского археологическо-нумизматического общества.* 1850;II;1:72–97.

- Banzarov D. Payze, or metal plaques with the orders of the Mongol khans. *Notes of the St. Petersburg Archaeological and Numismatic Society*. 1850;II;1:72–97 (in Russ.).
5. Бартольд В.В. Образование империи Чингиз-хана. *Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества*. 1896;X:105–119.
Bartold V.V. The formation of the empire of Genghis Khan. *Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*. 1896;X:105–119 (in Russ.).
6. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II. Исследование. СПб.: Типогр. В. Киршбаума; 1900. VII+573 с.
Bartold V.V. *Turkestan in the era of the Mongol invasion. Part II. Research*. St. Petersburg: V. Kirshbaum Printing House; 1900. VII+573 p. (in Russ.).
7. Бартольд В.В. Улугбек и его время. *Записки Российской Академии наук*. 1918;XIII;5:1–160.
Bartold V.V. Ulugbek and his time. *Notes of the Russian Academy of Sciences*. 1918;XIII;5:1–160 (in Russ.).
8. Бартольд В.В. [Рец. на:] Б.Я. Владимирцов. «Чингис-хан». Издательство З.И. Гржебина. Берлин-Петербург-Москва. 1922. 176 стр. *Восток. Журнал литературы, науки и искусства*. Кн. 5. М.; Л.: ГИЗ «Всемирная литература»; 1925:251–256.
Bartold V.V. [Review:] B.Ya. Vladimirtsov. “Genghis Khan”. Publishing house of Z.I. Grzhebin. Berlin-Petersburg-Moscow. 1922. 176 pages. *The East. Journal of Literature, Science and Art*. Book 5. Moscow; Leningrad: GIZ “World Literature”; 1925:251–256 (in Russ.).
9. Березин И.Н. Очерки внутреннего устройства Улуса Джучиева. *Труды Восточного отделения Императорского археологического общества*. 1864;VIII;387–494.
Berezin I.M. Essays on the internal structure of Juchi Ulus. *Proceedings of the Eastern Branch of the Imperial Archaeological Society*. 1864;VIII;387–494 (in Russ.).
10. Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М.: Наука; 1978. 320 с.
Bira Sh. *Mongolian historiography (XIII–XVII centuries)*. Moscow: Nauka; 1978. 320 p. (in Russ.).
11. Бира Ш., Ишжамц Н., Сандаг Ш. *Маоистская фальсификация истории МНР и историческая правда*. Улан-Батор: Госиздат; 1980. 56 с.

- Bira S., Ishjamts N., Sandag S. *The Maoist falsification of the history of the MPR and the historical truth*. Ulaanbaatar: Gosizdat; 1980. 56 p. (in Russ.).
12. Бичурин Н.Я. Замечания по поводу спора о монгольской надписи времен Монкэ-хана. *Финский вестник*. 1847;17;5;IV:1–6.
Bichurin N.Ya. Remarks on the dispute about the Mongolian inscription from the time of Monke Khan. *Finnish Bulletin*. 1847;17;5;IV:1–6 (in Russ.).
13. *Большой академический монгольско-русский словарь*. Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. Т. II. М.: Academia; 2001. 506 с.
The comprehensive academic Mongolian-Russian dictionary. Ed. by G.Ts. Purbeev. Vol. II. Moscow: Academia; 2001. 506 p. (in Russ.).
14. Васильев В.П. *История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах*. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук; 1857. 235 с.
Vasiliev V.P. *History and antiquities of the Eastern part of Central Asia, from the 10th to the 13th century, with the translation of Chinese news about the Khitans, Jurchens and Mongol-Tatars*. St. Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences; 1857. 235 p. (in Russ.).
15. Васильев Д.Д. *Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея*. Л.: Наука; 1983. 127 с.
Vasiliev D.D. *The corpus of Turkic runic monuments of the Yenisei basin*. Leningrad: Nauka; 1983. 127 p. (in Russ.).
16. Веселовский Н.И. *Лекции по истории монголов*. СПб.: Изд. кружка ориенталистов при факультете восточных языков; 1909. 142 с.
Veselovsky N.I. *Lectures on the history of the Mongols*. St. Petersburg: Publishing house of the Orientalist circle at the Faculty of Oriental Languages; 1909. 142 p. (in Russ.).
17. Викторова Л.Л. *Монголы. Происхождение народа и история культуры*. М.: Наука; 1980. 224 с.
Viktorova L.L. *The Mongols. The origin of the people and the history of culture*. Moscow: Nauka; 1980. 224 p. (in Russ.).
18. Владимирцов Б.Я. *Чингис-хан*. Берлин; Петербург; М.: Изд-во З.И. Гржебина; 1922. 176 с.
Vladimirtsov B.Ya. *Genghis Khan*. Berlin; Petersburg; Moscow: Z.I. Grzhebin Publishing House; 1922. 176 p. (in Russ.).
19. Владимирцова Б.Я. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. Л.: Изд-во АН СССР; 1934. 224 с.

- Vladimirtsov B.Ya. *The social system of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1934. 224 p. (in Russ.).
20. Галстян А.Г. Завоевание Армении монгольскими войсками. В: Тихвинский С.Л., отв. ред. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.: Наука; 1970:158–178.
- Galstyan A.G. The conquest of Armenia by Mongol troops. In: Tikhvinsky S.L., ed. *Tatar-Mongols in Asia and Europe*. Moscow: Nauka; 1970:158–178 (in Russ.).
21. Гольман М.И. Предисловие. В: *Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия*. М.: Наука; 1987:3–9.
- Golman M.I. Preface. In: *Chimitdorzhiev Sh.B. Russia and Mongolia*. Moscow: Nauka; 1987:3–9 (in Russ.).
22. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. *Золотая Орда*. Л.: Гос. социально-экономическое изд-во; 1937. 204 с.
- Grekov B.D., Yakubovsky A.Yu. *The Golden Horde*. Leningrad: State socio-economic publishing house; 1937. 204 p. (in Russ.).
23. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. *Золотая Орда*. Л.: ОГИЗ Госполитиздат; 1941. 208 с.
- Grekov B.D., Yakubovsky A.Yu. *The Golden Horde*. Leningrad: OGIZ Gospolitizdat; 1941. 208 p. (in Russ.).
24. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. *Золотая Орда и ее падение*. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1950. 478 с.
- Grekov B.D., Yakubovsky A.Yu. *The Golden Horde and its fall*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1950. 478 p. (in Russ.).
25. Григорьев А.П. *Монгольская дипломатика XIII–XIV вв. (чингизидские жалованные грамоты)*. Л.: Изд-во ЛГУ; 1978. 136 с.
- Grigoriev A.P. *Mongolian diplomacy of the XIII–XIV centuries (Genghisid charters)*. Leningrad: LSU Publishing House; 1978. 136 p. (in Russ.).
26. Григорьев В.В. *О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству*. М.: Университетская типография; 1842. 132 с.
- Grigoriev V.V. *On the authenticity of the yarlyks given by the Khans of the Golden Horde to the Russian clergy*. Moscow: University Printing House; 1842. 132 p. (in Russ.).
27. Григорьев В.В. Объяснение древней монгольской надписи, найденной в Сибири. *Журнал Министерства внутренних дел*. 1846;XVI:126–149.

- Grigoriev V.V. Explanation of an ancient Mongolian inscription found in Siberia. *Journal of the Ministry of Internal Affairs*. 1846;XVI:126–149 (in Russ.).
28. Григорьев В.В. Об отношении между кочевыми народами и оседлыми государствами. *Журнал Министерства народного просвещения*. 1875;CLXXVIII:1–27.
Grigoriev V.V. About the relationship between nomadic peoples and settled states. *Journal of the Ministry of Public Education*. 1875;CLXXVIII:1–27 (in Russ.).
29. Грумм-Гржимайло Г.Е. *Западная Монголия и Урянхайский край*. Т. II. Л.: Ученый комитет Монгольской республики; 1926. 898 с.
Grumm-Grzhimailo G.E. *Western Mongolia and the Urianhai region*. Vol. II. Leningrad: Scientific Committee of the Mongolian Republic; 1926. 898 p. (in Russ.).
30. Гумилев Л.Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. В: Тихвинский С.Л., отв. ред. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.: Наука; 1970:455–474.
Gumilev L.N. The “secret” and “explicit” history of the Mongols of the XII–XIII centuries. In: Tikhvinsky S.L., ed. *Tatar-Mongols in Asia and Europe*. Moscow: Nauka; 1970:455–474 (in Russ.).
31. Д’Оссон К. *История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана*. Т. I. *Чингиз-хан*. Пер. и предисл. Н. Козьмина. Иркутск: ОГИЗ Восточносибирское областное изд-во; 1937. 252 с.
D’Osson K. *The history of the Mongols from Genghis Khan to Tamerlane*. Vol. I. *Genghis Khan*. Translated and foreword by N. Kozmin. Irkutsk: OGIZ East Siberian Regional Publishing House; 1937. 252 p. (in Russ.).
32. Дробышев Ю.И. Чингис-хан о власти (по материалам «Сокровенного сказания монголов»). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020;2:198–209.
Drobyshev Yu.I. Genghis Khan on power (based on the materials of the “Secret History of the Mongols”). *Bulletin of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2020;2:198–209 (in Russ.).
33. Дробышев Ю.И. Монгольская империя и ее идеология в освещении дореволюционных российских историков: от Лызлова до Карамзина. В: Кульганек И.В., Юсупова Т.И., сост. и отв. ред. *Монголия — Россия: век независимости — век сотрудничества*. СПб.: ООО ИД «Петрополис»; 2021:156–169.
Drobyshev Yu.I. The Mongolian Empire and its ideology in the coverage of pre-revolutionary Russian historians: from Lyzlov to Karamzin. In:

- Kulganek I.V., Yusupova T.I., compl. and ed. *Mongolia — Russia: The age of independence is the age of cooperation*. St. Petersburg: “Petropolis”; 2021:156–169 (in Russ.).
34. Ю.И. Монгольская империя и ее идеология в освещении дореволюционных российских историков: от Полевого до Преснякова. *Золотоордынское обозрение*. 2022;10;3:537–564.
Drobyshev Yu.I. The Mongolian Empire and its ideology in the coverage of pre-revolutionary Russian historians: from Polevoy to Presnyakov. *The Golden Horde Review*. 2022;10;3:537–564 (in Russ.).
35. Дробышев Ю.И. Эволюция представлений о роли ментального фактора в возникновении Монгольской империи в западной исторической науке. *Золотоордынское обозрение* (в печати).
Drobyshev Yu.I. The evolution of ideas about the role of the mental factor in the emergence of the Mongol Empire in Western historical science. *The Golden Horde Review* (in print) (in Russ.).
36. Дугаров В.Д. *Российская историография истории Монголии*. Улан-Удэ: Изд-во БГУ; 2014. 376 с.
Dugarov V.D. *Russian historiography of the history of Mongolia*. Ulan-Ude: BSU Publishing House; 2014. 376 p. (in Russ.).
37. Закиров С. *Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.)*. М.: Наука; 1966. 160 с.
Zakirov S. *Diplomatic relations of the Golden Horde with Egypt (XIII–XIV centuries)*. Moscow: Nauka; 1966. 160 p. (in Russ.).
38. Залкинд Е.М. Вольтер об империи Чингисхана. *Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук*. 1977;1:87–94.
Zalkind E.M. Voltaire on the empire of Genghis Khan. *News of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. A series of social sciences*. 1977;1:87–94 (in Russ.).
39. Залкинд Е.М. *Очерк генезиса феодализма в кочевом обществе*. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та; 2012. 242 с.
Zalkind E.M. *An essay on the genesis of feudalism in a nomadic society*. Barnaul: Publishing house of the Altai University; 2012. 242 p. (in Russ.).
40. Златкин Б.Я. Борис Яковлевич Владимирцов — историк. В: Алпатов В.М. и др., ред. Владимирцов Б.Я. *Работы по истории и этнографии монгольских народов*. М.: Восточная литература; 2002:13–48.
Zlatkin B.Ya. Boris Yakovlevich Vladimirtsov — a historian. In: Alpatov V.M. et al., ed. *Vladimirtsov B.Ya. Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples*. Moscow: Oriental Literature; 2002:13–48 (in Russ.).

41. Иванин М. *О военном искусстве и завоеваниях монголов*. СПб.: Военная типография; 1846. 64 с.
Ivanin M. *On the art of war and the conquests of the Mongols*. St. Petersburg: Military Printing House; 1846. 64 p. (in Russ.).
42. Иванин М.И. *О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане*. СПб.: Типогр. т-ва «Общественная польза»; 1875. XII+252 с.
Ivanin M.I. *On the art of war and the conquests of the Mongol-Tatars and Central Asian peoples under Genghis Khan and Tamerlane*. St. Petersburg: Typography of the society "Public benefit"; 1875. XII+252 p. (in Russ.).
43. *История Монгольской Народной Республики*. Гл. ред. Б.Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР; 1954. 423 с.
The History of the Mongolian People's Republic. Ed.-in-chief B.D. Grekov. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1954. 423 p. (in Russ.).
44. *История Монгольской Народной Республики*. Гл. ред. Е.М. Жуков, Б. Ширендыб и др. М.: Наука; 1967. 537 с.
The History of the Mongolian People's Republic. Eds.-in-chief E.M. Zhukov, B. Shirendyb et al. Moscow: Nauka; 1967. 537 p. (in Russ.).
45. *История Монгольской Народной Республики*. Гл. ред. А.П. Окладников, Ш. Бира и др. М.: Наука; 1983. 662 с.
The History of the Mongolian People's Republic. Eds.-in-chief A.P. Okladnikov, S. Bira et al. Moscow: Nauka; 1983. 662 p. (in Russ.).
46. Капица М.С. Ещё раз о роли Чингис-хана в истории. *Вопросы истории*. 1988; 7:48–58.
Kapitsa M.S. Once again about the role of Genghis Khan in history. *Questions of history*. 1988; 7:48–58 (in Russ.).
47. Каргалов В.В. *Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век*. М.: Просвещение; 1966. 136 с.
Kargalov V.V. *The Mongol-Tatar invasion of Russia. XIII century*. Moscow: Prosveshchenie; 1966. 136 p. (in Russ.).
48. Каргалов В.В. *Внешне-политические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники*. М.: Высшая школа; 1967. 264 с.
Kargalov V.V. *External political factors of the development of feudal Russia. Feudal Russia and the nomads*. Moscow: Vysshaya shkola; 1967. 264 p. (in Russ.).
49. Клюкин И.А. *О чем писал Иль-Хан Аргун Филиппу Красивому в 1289 г. (К разбору древнейших памятников монгольской письменности)*. Владивосток: Студенческое издательство; 1925. VIII+IV+45 с.

- Klyukin I.A. *What Il-Khan Argun wrote to Philip the Handsome in 1289 (To analyze the oldest monuments of the Mongolian script)*. Vladivostok: Student Publishing House; 1925. VIII+IV+45 p. (in Russ.).
50. Кляшторный С.Г. *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии*. М.: Наука; 1964. 215 с.
Klyashtorny S.G. *Old Turkic runic monuments as a source for the history of Central Asia*. Moscow: Nauka; 1964. 215 p. (in Russ.).
51. Ковалевский О.М. *История монголов*. Подг. к изд., предисл., коммент., прилож. И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков; отв. ред. И.Ф. Попова. СПб.: Нестор-История; 2024. 644 с.
Kovalevsky O.M. *The history of the Mongols*. Subg. to ed., preface, commentary, appendix by I.V. Kulganek, V.Y. Zhukov; ed. by I.F. Popova. St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2024. 644 p. (in Russ.).
52. Козин С.А. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.* М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1941. 619 с.
Kozin S.A. *The Secret History. The Mongolian Chronicle of 1240*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1941. 619 p. (in Russ.).
53. Козьмин Н.Н. *К вопросу о турецко-монгольском феодализме*. Иркутск: ОГИЗ; 1934. 150 с.
Kozmin N.N. *On the issue of Turkish-Mongolian feudalism*. Irkutsk: OGIZ; 1934. 150 p. (in Russ.).
54. Котвич В. Из поучений Чингис-хана. *Восток. Журнал литературы, науки и искусства*. Кн. 3. М.; Петербург: ГИЗ «Всемирная литература»; 1923:94–96.
Kotvich V. From the teachings of Genghis Khan. *The East. Journal of Literature, Science and Art*. Book 3. Moscow; St. Petersburg: GIZ «World Literature»; 1923:94–96 (in Russ.).
55. Крадин Н.Н. *Кочевые общества (проблемы формационной характеристики)*. Владивосток: Дальнаука; 1992. 240 с.
Kradin N.N. *Nomadic societies (problems of formation characteristics)*. Vladivostok: Dalnauka; 1992. 240 p. (in Russ.).
56. Кычанов Е.И. *Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир*. М.: Наука; 1973. 144 с.
Kuchanov E.I. *The life of Temujin, who thought to conquer the world*. Moscow: Nauka; 1973. 144 p. (in Russ.).
57. Кычанов Е.И. *Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингисхан: личность и эпоха*. М.: Восточная литература, Школа-Пресс; 1995. 273 с.

- Kuchanov E.I. *The life of Temujin, who thought to conquer the world. Genghis Khan: personality and epoch*. Moscow: Oriental Literature, School Press; 1995. 273 p. (in Russ.).
58. Левшин А.И. *Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Часть третья: Этнографические известия*. СПб.: Типогр. К. Крайя; 1832. 304 с.
Levshin A.I. *Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes. Part three: Ethnographic information*. St. Petersburg: K. Kraja's Printing House; 1832. 304 p. (in Russ.).
59. *Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского Университета А.М. Позднеевым в 1896/97 acad. году*. [Т. II]. Записал и издал студент Х.П. Кристи. СПб.: Типо-литография И. Трофимова; 1897. 221+XLI с.
Lectures on the history of Mongolian literature, delivered by the ordinary professor of St. Petersburg University A.M. Pozdneev in 1896/97 academic year. [Vol. II]. Recorded and published by student Kh.P. Christie. St. Petersburg: I. Trofimov's typo-lithography; 1897. 221+XLI p. (in Russ.).
60. Лушников О.В. *Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв.* Казань: ФЭН; 2009. 116 с.
Lushnikov O.V. *The Mongol Empire in the historiography of the XVIII–XX centuries*. Kazan: Fen; 2009. 116 p. (in Russ.).
61. Майский И.М. Чингис-хан. *Вопросы истории*. 1962;5:74–83.
Maisky I.M. Genghis Khan. *Questions of history*. 1962;5:74–83 (in Russ.).
62. Малов С.Е. *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1951. 452 с.
Malov S.E. *Monuments of Old Turkic writing. Texts and research*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1951. 452 p. (in Russ.).
63. Малов С.Е. *Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы*. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1952. 116 с.
Malov S.E. *The Yenisei script of the Turks: Texts and translations*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1952. 116 p. (in Russ.).
64. Малов С.Е. *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1959. 111 с.
Malov S.E. *Monuments of Old Turkic writing in Mongolia and Kyrgyziya*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1959. 111 p. (in Russ.).

65. Марков Г.Е. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. М.: Изд-во Московского ун-та; 1976. 316 с.
Markov G.E. *Nomads of Asia. The structure of the economy and public organization*. Moscow: Publishing House of the Moscow University; 1976. 316 p. (in Russ.).
66. Маркс К. Хронологические выписки. В: Адоратский В., ред. *Архив Маркса и Энгельса*. Т. V. М.: Гос. изд-во политической литературы; 1938:5–352.
Marx K. Chronological extracts. In: Adoratsky V, ed. *Archive of Marx and Engels*. Vol. V. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1938:5–352 (in Russ.).
67. Мерперт Н.Я., Пашуто В.Т. Георг Вернадский. Монголы и Россия. *Вопросы истории*. 1955;8:180–187.
Merpert N.Ya., Pashuto V.T. Georg Vernadsky. The Mongols and Russia. *Questions of history*. 1955;8:180–187 (in Russ.).
68. Мерперт Н.Я., Пашуто В.Т. Черепнин Л.В. Чингис-хан и его наследие. *История СССР*. 1962;5:92–119.
Merpert N.Ya., Pashuto V.T. Cherepnin L.V. Genghis Khan and his legacy. *History of the USSR*. 1962;5:92–119 (in Russ.).
69. Мункуев Н.Ц. О формах эксплуатации монгольских аратов в XIII–XIV веках. *Материалы по истории и филологии Центральной Азии*. Вып. 2. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во; 1965:75–79.
Munkuev N.Ts. About the forms of exploitation of the Mongolian arats in the XIII–XIV centuries. *Materials on the history and philology of Central Asia*. Issue 2. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House; 1965:75–79 (in Russ.).
70. Насонов А.Н. *Монголы и Русь (история татарской политики на Руси)*. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1940. 178 с.
Nasonov A.N. *Mongols and Rus' (history of Tatar politics in Russia)*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1940. 178 p. (in Russ.).
71. Невский А.А. *Отечественная историография образования Монгольской империи (конец XIX – XX вв.)*: дисс. ... к.и.н. Улан-Удэ, 2006. 203 с.
Nevsky A.A. *Domestic historiography of the formation of the Mongolian Empire (the end of the XIX – XX centuries)*: Dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Ulan-Ude, 2006. 203 p. (in Russ.).
72. Нестерова Е.Р. Личность и деятельность Чингис-хана в историографии. В: Бухарин М.Д., гл. ред. *Scripta antiqua. Вопросы древней исто-*

рии, филологии, искусства и материальной культуры: альманах. Т. 5. М.: Собрание; 2016:214–230.

Nesterova E.R. The personality and activity of Genghis Khan in historiography. In: Bukharin M.D., ed.-in-chief. *Scripta antiqua. Questions of ancient history, philology, art, and material culture: an almanac*. Vol. 5. Moscow: Collection; 2016:214–230 (in Russ.).

73. *Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. Ч. I.* Отв. ред. Б.Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР; 1953. 984 с.
Essays on the history of the USSR. The period of feudalism. IX–XV centuries. Part I. Ed. by B.D. Grekov. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1953. 984 p. (in Russ.).
74. *Памятники монгольского квадратного письма, объясненные А.А. Бобровниковым, с дополнениями В.В. Григорьева.* СПб.: Типогр. Императорской Академии наук; 1870. 90 с.
Monuments of the Mongolian square script, explained by A.A. Bobrovnikov, with additions by V.V. Grigoriev. St. Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences; 1870. 90 p. (in Russ.).
75. Пашуто В.Т. *Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век).* М.: Гос. изд-во политич. лит-ры; 1956. 280 с.
Pashuto V.T. *The heroic struggle of the Russian people for independence (XIII century).* Moscow: State Publishing House of Politic literature; 1956. 280 p. (in Russ.).
76. Пашуто В.Т. *Внешняя политика Древней Руси.* М.: Наука; 1968. 472 с.
Pashuto V.T. *Foreign policy of Old Russia.* Moscow: Nauka; 1968. 472 p. (in Russ.).
77. Петрушевский И.П. *Из героической борьбы азербайджанского народа в XIII–XIV веках.* Баку: Изд-во АзФАН; 1941. 64 с.
Petrushevsky I.P. *From the heroic struggle of the Azerbaijani people in the XIII–XIV centuries.* Baku: AzFAN Publishing House; 1941. 64 p. (in Russ.).
78. Петрушевский И.П. Рашид ад-Дин и его исторический труд. В: *Рашид ад-Дин. Сборник летописей.* Т. I. Кн. 1. Пер. Л.А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1952:7–38.
Petrushevsky I.P. Rashid al-Din and his historical work. In: *Rashid al-Din. Collection of chronicles.* Vol. I. Book 1. Translated by L.A. Khetagurova. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1952:7–38 (in Russ.).

79. Петрушевский И.П. *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков*. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1960. 492 с.
Petrushevsky I.P. *Agriculture and agrarian relations in Iran of the XIII–XIV centuries*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1960. 492 p. (in Russ.).
80. Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия. В: Тихвинский С.Л., отв. ред. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.: Наука; 1970:100–133.
Petrushevsky I.P. The campaign of the Mongol troops in Central Asia in 1219–1224 and its consequences. In: Tikhvinsky S.L., ed. *Tatar-Mongols in Asia and Europe*. Moscow: Nauka; 1970:100–133 (in Russ.).
81. Плетнева С.А. *Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей*. М.: Наука, 1982. 188 с.
Pletneva S.A. *Nomads of the Middle Ages. The search for historical patterns*. Moscow: Nauka, 1982. 188 p. (in Russ.).
82. Поездка в Южную Монголию в 1909–1910 гг. Отчет Ц. Жамцарано. *Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях*. Серия II. 1913;2:44–53.
A trip to Southern Mongolia in 1909–1910. The Report of Ts. Zhamtsarano. *Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in Historical, Archaeological, Linguistic and Ethnographic Relations*. Series II. 1913;2:44–53 (in Russ.).
83. Поппе Н.Н. *Квадратная письменность*. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1941. 165 с.
Poppo N.N. *Square writing*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1941. 165 p. (in Russ.).
84. Радлов В.В., Мелиоранский П.М. *Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме*. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук; 1897. 45 с.
Radlov V.V., Melioransky P.M. *Old Turkic monuments in Kosho-Tsaydam*. St. Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences; 1897. 45 p. (in Russ.).
85. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. I. Кн. 2. Пер. О.И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1952. 316 с.
Rashid al-Din. *Collection of chronicles*. Vol. I. Book 2. Translated by O.I. Smirnova, Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1952. 316 p. (in Russ.).

86. Румянцев Г.Н. Труды Б.Я. Владимирцова по истории монголов. В: Санжеев Г.Д., отв. ред. *Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова*. М.: Изд-во восточной литературы; 1958:59–81.
Rumyantsev G.N. The works by B.Ya. Vladimirtsov on the history of the Mongols. In: Sanzheev G.D., ed. *Philology and history of the Mongolian peoples. In memory of Academician Boris Yakovlevich Vladimirtsov*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature; 1958:59–81 (in Russ.).
87. Стеблева И.В. *Поэзия тюрков VI–VIII веков*. М.: Наука; 1965. 148 с.
Stebleva I.V. *Poetry of the Turks of the VI–VIII centuries*. Moscow: Nauka; 1965. 148 p. (in Russ.).
88. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука; 1970. 476 с.
Tatar-Mongols in Asia and Europe. Ed. by S.L. Tikhvinsky. Moscow: Nauka; 1970. 476 p. (in Russ.).
89. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. Отв. ред. С.Л. Тихвинский. Изд. 2-е. М.: Наука; 1977. 504 с.
Tatar-Mongols in Asia and Europe. Ed. by S.L. Tikhvinsky. 2nd ed. Moscow: Nauka; 1977. 504 p. (in Russ.).
90. Тизенгаузен В.Г. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. I. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова; 1884. 564 с.
Tiesenhausen V.G. *Collection of materials related to the history of the Golden Horde*. Т. I. St. Petersburg: Published by Count S.G. Stroganov; 1884. 564 p. (in Russ.).
91. Тизенгаузен В.Г. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.
Tiesenhausen V.G. *Collection of materials related to the history of the Golden Horde*. Vol. II. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941. 307 p. (in Russ.).
92. Тишин В.В. [Рец. на:] В.Д. Дугаров. Российская историография истории Монголии / Науч. ред. Л.В. Курас. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2014. 376 с. *Восток (Oriens)*. 2016;6:212–217.
Tishin V.V. [Review:] V.D. Dugarov. Russian historiography of the history of Mongolia / Scientific ed. by L.V. Kuras. Ulan-Ude: Buryat Publishing House. State University, 2014. 376 p. *East (Oriens)*. 2016;6:212–217 (in Russ.).
93. Федоров-Давыдов Г.А. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. М.: Изд-во МГУ; 1966. 275 с.

- Fedorov-Davydov G.A. *The nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde Khans*. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1966. 275 p. (in Russ.).
94. Хара-Даван Э. *Чингис-Хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV века*. Изд. 2-е. Элиста: Калмыцкое книжное издательство; 1991. 196 с.
Khara-Davan E. *Genghis Khan as a warlord and his legacy. Cultural and historical sketch of the Mongolian Empire of the XII–XIV century*. 2nd ed. Elista: Kalmyk Book Publishing House; 1991. 196 p. (in Russ.).
95. Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.). В: Тихвинский С.Л., отв. ред. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.: Наука; 1970:179–203.
Cherepnin L.V. Mongol-Tatars in Russia (XIII century). In: Tikhvinsky S.L., ed. *Tatar-Mongols in Asia and Europe*. Moscow: Nauka; 1970:179–203 (in Russ.).
96. Чимитдоржиев Ш.Б. *Россия и Монголия*. М.: Наука; 1987. 239 с.
Chimitdorzhiev Sh.B. *Russia and Mongolia*. Moscow: Nauka; 1987. 239 p. (in Russ.).
97. Чулууны Далай. *Монголия в XIII–XIV веках*. М.: Наука; 1983. 232 с.
Chuluuny Dalai. *Mongolia in the XIII–XIV centuries*. Moscow: Nauka; 1983. 232 p. (in Russ.).
98. Шастина Н.П. Значение трудов Н.Я. Бичурина для русского монголоведения. В: Авдиев В.И., Шастина Н.П., ред. *Очерки по истории русского востоковедения. Сборник 2*. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1956:181–197.
Shastina N.P. The significance of N.Ya. Bichurin's works for Russian Mongolian studies. In: Avdiev V.I., Shastina N.P., eds. *Essays on the history of Russian Oriental Studies. Collection 2*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1956:181–197 (in Russ.).
99. Шастина Н.П. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов. В: Тихвинский С.Л., отв. ред. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.: Наука; 1970:435–454.
Shastina N.P. The image of Genghis Khan in the medieval literature of the Mongols. In: Tikhvinsky S.L., ed. *Tatar-Mongols in Asia and Europe*. Moscow: Nauka; 1970:435–454 (in Russ.).
100. Шмидт Я. Монгольская квадратная надпись из времен монгольского владычества. *Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод*. 1846;LXXIX;III:1–5.

Schmidt Ya. Mongol square inscription from the time of Mongol rule. *Library for Reading, Journal of Literature, Sciences, Arts, Industry, News, and Fashion*. 1846;LXXIX;III:1–5 (in Russ.).

101. Шмидт Я. Монгольская квадратная надпись из времен монгольского владычества. *Санктпетербургские ведомости*. 1846;249:1095–1096.

Schmidt Ya. Mongol square inscription from the time of Mongol rule. *St. Petersburg Gazette*. 1846;249:1095–1096 (in Russ.).

102. Эрдман Ф.И. К истории Чингис-хана. *Журнал Министерства народного просвещения*. 1844;XLIV:30–94.
Erdman F.I. On the history of Genghis Khan. *Journal of the Ministry of Public Education*. 1844;XLIV:30–94 (in Russ.).

103. Юсупова Т.И. К истории первого совместного советско-монгольского научного проекта по подготовке однотомника «История МНР». В: Чулуун С., отв. ред. «Я рад, что стал монголоведом». К 85-летию С.К. Рошчина. Улаанбаатар: АДМОН; 2015:271–293.

Yusupova T.I. On the history of the first joint Soviet-Mongolian scientific project to prepare a single-volume book “History of the MPR”. In: Chuluun S., ed. “I’m glad I became a Mongol scholar”. *On the 85th anniversary of S.K. Roschin*. Ulaanbaatar: ADMON; 2015:271–293 (in Russ.).

104. Якубовский А.Ю. Книга Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» и перспективы дальнейшего изучения Золотой Орды. *Исторический сборник*. Т. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1936:293–313.
Yakubovsky A.Yu. Vladimirtsov’s book “The Social system of the Mongols” and prospects for further study of the Golden Horde. *Historical collection*. Vol. V. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1936:293–313 (in Russ.).

105. Якубовский А. Монгольская империя. *Исторический журнал*. 1940;3:87–98.

Yakubovsky A. The Mongolian Empire. *Historical journal*. 1940;3:87–98 (in Russ.).

106. Якубовский А.Ю. Из истории изучения монголов периода XI–XIII вв. В: Авдиев В.И., Шастина Н.П., ред. *Очерки по истории русского востоковедения*. М.: Изд-во АН СССР; 1953:31–95.

Yakubovsky A.Yu. From the history of the study of the Mongols of the XI–XIII centuries. In: Avdiev V.I., Shastina N.P., eds. *Essays on the history of Russian Oriental Studies*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1953:31–95 (in Russ.).

107. Ярлыки татарских ханов московским митрополитам. В: Черепнин Л.В., ред. *Памятники русского права*. Вып. 3. М.: Гос. изд-во юридич. лит-ры; 1955:463–491.
Yarlyks of the Tatar Khans to the Moscow metropolitans. In: Cherepnin L.V., ed. *Monuments of Russian law*. Issue 3. Moscow: State Publishing House of Law literature; 1955:463–491 (in Russ.).
108. Barthold W. Čingiz-khān. *Encyclopaedia of Islam*. Vol. 1. Leyden: E.J. Brill; 1913. P. 856-862.
109. Erdmann F. von. *Temudschin der Unerschütterliche: nebst einer geographisch-ethnographischen Einleitung und den erforderliche besondern Anmerkungen und Beilagen*. Leipzig: F.A. Brockhaus; 1862. IX+656 s.
110. Grousset R. *The Empire of the Steppes*. New Brunswick: Rutgers University Press; 1970. 687 p.
111. Kotwicz W. Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIVe siècle. *La Pologne au VIIe Congrès International des Sciences Historiques*. Vol. 1. Varsovie: Polskie Towarzystwo Historyczne; 1933:199–204.
112. Kotwicz W. *Formules initiales des documents Mongols aux XIII-e et XIV-e ss. Rocznik Orientalistyczny*. 1934;10:131–157.
113. Lattimore O. The Geographical Factor in Mongol History. *The Geographical Journal*. 1938;91;1;1–16.
114. Voegelin E. The Mongol Orders of Submission to the European Powers, 1245–1255. *Byzantion*. 1941;XV:378–413.

Дробышев Юлий Иванович
Yuliy I. Drobyshev

Кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института
востоковедения РАН.
ORCID: 0000-0002-9318-4560

C.Sc. (History), Senior Research Fellow
at the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences.
ORCID: 0000-0002-9318-4560

Поступила в редакцию /
Received
15.12.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
13.01.2026

Принята к публикации /
Accepted
10.02.2026